

В. И. Коньков

Речевые технологии в массовой коммуникации

Часть 1

Композиционно-речевые формы

Ориентация текста на массовую аудиторию

Средства выражения авторского «я»

Комическое в массовой коммуникации

Учебное пособие

Речевые технологии
в массовой коммуникации

Часть 1

Композиционно-речевые формы

Ориентация текста на массовую аудиторию

Средства выражения авторского «я»

Комическое в массовой коммуникации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ»

В. И. Коньков

Речевые технологии в массовой коммуникации

Часть 1

Композиционно-речевые формы
Ориентация текста на массовую аудиторию
Средства выражения авторского «я»
Комическое в массовой коммуникации

Учебное пособие

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2015

УДК 316.77

ББК 76.0

К 65

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
и Методической комиссии
Института «Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета*

Рецензенты:

профессор кафедры речевой коммуникации Института
«Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
СПбГУ *Л. Р. Дускаева,*

профессор кафедры теории журналистики и массовых ком-
муникаций Института «Высшая школа журналистики и массо-
вых коммуникаций» СПбГУ *С. И. Сметанина*

Коньков В. И.

К 65 Речевые технологии в массовой коммуникации. Ч. 1: Ком-
позиционно-речевые формы; ориентация текста на массовую
аудиторию; средства выражения авторского «я»; комическое в
массовой коммуникации: С.-Петербург. гос. ун-т, ин-т «Высш. шк.
журн. и мас. коммуникаций», 2015. — 130 с.

Учебное пособие предназначено для выработки навыков владения
письменной печатной речью с ориентацией на коммуникативную
среду СМИ и Интернета. В учебном пособии сделан акцент на техно-
логических аспектах работы с русской речью. Проблематика первой
части: композиционно-речевые формы, ориентация текста на мас-
совую аудиторию, средства выражения авторского «я», комическое в
массовой коммуникации.

Пособие предназначено для студентов, обучающихся по образова-
тельному программ «Журналистика», «Реклама и связи с обществен-
ностью», и соответствует программе дисциплины «Стилистика».

ББК 76.0

© В. И. Коньков, 2015

© С.-Петербург. гос ун-т,

Ин-т «Высш. шк. журн.

и мас. коммуникаций», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
Композиционно-речевые формы.....	8
Ориентация на массовую аудиторию.....	29
Средства выражения авторского «я»	47
Комическое в массовой коммуникации.....	89
Рекомендуемая литература.....	128
Использованная литература	129

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное учебное пособие является первой частью комплекса учебных пособий «Речевые технологии в массовой коммуникации» и посвящено следующим темам: композиционно-речевые формы, ориентация на массовую аудиторию, способы выражения авторского «я», комическое в массовой коммуникации.

Содержание учебного пособия соответствует программе базового курса «Стилистика». Свою задачу автор видел в том, чтобы дать учащимся представление об особенностях той разновидности русской речи, которая в теории функциональной стилистики называется публицистическим стилем. Традиционные для функциональной стилистики темы разрабатываются здесь более детально, с ориентацией на различные виды речевой работы в коммуникативной среде СМИ.

Последовательно излагаются сведения о приемах работы с композиционно-речевыми формами, о способах ориентации текста на массовую аудиторию, а также сведения о способах выражения авторского «я» и использования комического в массовой коммуникации.

Технология работы с композиционно-речевыми формами подается с ориентацией именно на речевую практику СМИ. Множество частных проблем, имеющих отношение к соблюдению норм литературной речи, представлено с учетом ориентации ме-

диатекста на массовую аудиторию (использование отлагательных существительных, левое распространение, специальная лексика, подача цифровой информации и др.). Особое внимание следует обратить на выразительные средства, работающие по принципу «фон — отклонение». Данный принцип пока еще не получил методической разработки в учебных пособиях, хотя его использование является основой выразительности в медиаречи. Совершенно по-новому излагается материал в разделе о комическом. Комическое является по своей онтологии категорией эстетики. Автор видел свою задачу в том, чтобы изложить проблематику комического в рамках системы категорий стилистики.

Содержащийся в пособии материал излагается таким образом, чтобы студенты обращали внимание не столько на общие особенности публицистического стиля, сколько на приемы речевой работы в конкретном издании.

Композиционно-речевые формы

Человеку, который собирается что-то написать, всегда приходится решать задачу, как это сделать. Пишущий всегда ищет какие-то образцы, на которые он мог бы ориентироваться. Попробуем понять, как ориентируется в океане окружающей его речи пишущий. Если бы человек писал, ориентируясь только на собственный словарный запас и известные типы предложений, то творческий процесс был бы мучительным, а речь выглядела бы неупорядоченной и хаотичной. В этом легко убедиться, знакомясь, например, с письмами неграмотных или малограмотных людей. Фактически дело обстоит иначе: мы пишем, ориентируясь на готовые речевые формы, заполняя их нужным словесным материалом в зависимости от конкретного содержания и конкретной ситуации общения.

М. М. Бахтин писал: «...говорящему даны не только обязательные для него формы общенародного языка (словарный состав и грамматический строй), но и обязательные для него формы высказывания, то есть речевые жанры; эти последние так же необходимы для взаимного понимания, как и формы языка. Речевые жанры по сравнению с формами языка гораздо более изменчивы, гибки, пластичны, но для говорящего индивидуума они имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему» (Бахтин 1979, с. 259–260). И далее: «Когда мы строим свою речь, нам

всегда предносится целое нашего высказывания: и в форме определенной жанровой схемы и в форме индивидуального речевого замысла. Мы не нанизываем слова, не идем от слова к слову, а как бы заполняем нужными словами целое. Нанизывают слова только на первой стадии изучения чужого языка, да и то только при плохом методическом руководстве» (там же, с. 266).

В данной цитате М. М. Бахтин истолковывает термины несколько иначе, чем в некоторых современных лингвистических терминологических системах. Не вдаваясь в объяснения, скажем, что под *высказыванием* и *речевым жанром* в практических целях мы вполне можем понимать современные функционально-смысловые типы речи, когда они представлены нам в структуре текста в виде самостоятельных абзацев (или их частей) — *композиционно-речевых форм*. Итак, мы имеем дело с оформленной речью. Ее речевые формы являются элементами композиции текста. Текст состоит из последовательности композиционно-речевых форм.

Наиболее известные виды оформленной речи — это описание, повествование и рассуждение. Журналист, работающий в сфере массовой коммуникации, должен уметь хорошо и быстро составлять описание, повествование и рассуждение. Данные речевые формы являются универсальными, широко распространены в речевой практике общества в целом. Кроме того, профессионал должен владеть такими речевыми формами, которые сложились именно в сфере массовой коммуникации, и прежде всего в средствах массовой информации. К ним мы отнесем комментарий, констатацию факта, развернутое информационное сообщение, сообщение о событии. Рассмотрим правила оформления каждой из названных форм.

Описание. Оформляя речь в виде описания, журналист стремится дать представление об описываемом объекте (природе, человеке, положении дел и др.) путем перечисления основных составляющих этого объекта.

Описать дом, в котором живет герой, — значит перечислить все детали, которые в совокупности называются словом «дом». Нужно сказать, какие у дома стены, какая крыша, сколько окон, как они расположены и как выглядят. Если есть наличники, ска-

зять о наличниках, где находится дверь, какая она, есть ли в доме веранда и т.д. Описать положение дел на заводе после реконструкции — значит перечислить его отдельные составляющие: повысилась производительность труда, увеличилось число рабочих мест, увеличилось количество выпускаемой продукции, повысилось ее качество и т.д.

В газете в новостных и аналитических материалах чаще всего описывается мир событий: сложившаяся где-то ситуация, то или иное положение дел, внутренний мир персонажа и внешность героя. Так, в репортаже, корреспонденции описываются событие, место, где оно происходит, участники и очевидцы. Например, В. Песков дает обобщенное описание характера персонажа, представляя читателю несколько наиболее важных особенностей его жизни:

Представлю друзей, заманивших меня на Валдай в лучшую пору, когда одет он был в золотые и багряные платья начальных дней октября. Оба друга работали в дни нашей молодости в «Комсомолке», оба фотографы. Володя Богданов — тихий, смиренный охотник за красотой в человеческом мире, пишет стихи. Тимофей Баженов тяготеет к природе, охотник за всем с фотокамерой, но успешно охотится и с ружьем. Побывал во множестве экспедиций, летал на полюс и, не частый случай, на автомобиле в 1983 году проехал от западной точки страны — Ужгорода — до Тихого океана. Много всего повидал, но сейчас уже бородатый странник на вопрос, какое место больше всего его покорило, отвечает: «Валдай!» Тут восемнадцать годов назад он бросил житейский якорь и, хотя работает в Москве в уважаемом охотниками журнале, на Валдай «срывается» при первом же случае зимою и летом (В. Песков. Валдайские камешки).

Перечисленные автором основные детали характера персонажа Тимофея Баженова (*тяготеет к природе; охотник с фотокамерой; успешно охотится с ружьем; побывал во множестве экспедиций, летал на полюс; на автомобиле проехал от Ужгорода до Тихого океана; много повидал; больше всего его покорило Валдай; тут восемнадцать годов назад бросил житейский якорь; работает в Москве в уважаемом охотниками журнале, на Валдай срывается при первом же случае*) создают нужное для автора представление о герое.

В художественной публицистике, больше чем в каком-либо другом сегменте речевой практики СМИ, описывается окружающий человека чувственно воспринимаемый мир — мир видимый, слышимый, обоняемый, осязаемый. Например, в очерке объектом описания может стать окружающая человека природа (пейзаж), помещение (интерьер) и т.д.

В прогалине слева видишь деревья, никогда не знающие жажды, ключи и запасы весенних разливов питают пойму до самого ледостава. А справа в прогалинах видишь горы с выгоревшей травой. Пастух с коровами на вершине, одинокое дерево. А на пути снова заросший плес, потом опять резвый бег холодной, прозрачной воды, качающей донные травы (В. Песков. Река-легенда).

Детали описания, перечисленные автором и составляющие содержательную основу этой речевой формы (*деревья; горы с выгоревшей травой; пастух с коровами на вершине; одинокое дерево; заросший плес; холодная, прозрачная вода, качающая донные травы*), формируют у читателя представление о пейзаже, который находится перед глазами автора.

Как строится описание, как следует оформить речь, чтобы создать описание? Любой объект, будь то дом, лесная дорога или положение дел на заводе, дан наблюдателю, в нашем случае — журналисту, в нерасчлененном, целостном виде. Перед автором всегда стоит трудная задача: из огромного количества деталей нужно выбрать только несколько главных, но такие, которые бы давали наиболее адекватное представление об объекте в целом.

В первом случае автор описывает своих друзей с намерением сказать о той главной черте характера, которая говорит об их любви к природе. С этой целью он представляет читателю такие детали: *работали в «Комсомолке», фотографии. Володя Богданов пишет стихи. Тимофей Баженов тяготеет к природе, охотится с ружьем, летал на полюс, в 1983 году проехал от Ужгорода до Тихого океана. Тут восемнадцать годов назад он бросил житейский якорь на Валдае, работает в Москве в уважаемом охотничьем журнале, на Валдае срывается при первом же случае зимою и летом.*

Во втором случае для описания природы выбраны следующие детали: *прогалина; деревья; горы с выгоревшей травой; пастух с коровами на вершине; одинокое дерево; заросший плес; резвый бег холодной, прозрачной воды; качающиеся донные травы*. Мы понимаем, что, находясь в описываемом месте, автор видит еще десятки и десятки других предметов, слышит множество звуков, его обволакивают запахи леса и т. д. Однако автор представил читателю именно эти детали как наиболее полно дающее представление об окружающей природе.

Главная, основная коммуникативная цель описания — дать представление об описываемом объекте с помощью наиболее важных деталей, которые составляют содержательную основу описания. Важно отметить, что детали в описании связаны между собой перечислительными отношениями. Порядок следования этих деталей свободный. Их можно легко поменять местами.

Разумеется, автор так или иначе выражает себя в тексте с помощью метафор, оценочных слов и других средств выражения авторского «я». Для понимания отношения автора к описываемому значимо и то, какие именно детали отобрал автор. Авторское «я» может быть выражено в описании в большей или меньшей степени. Однако это самовыражение ни в коем случае не должно становиться главным, ибо это противоречит коммуникативной цели описания. Предельная же степень реализации главной коммуникативной цели описания предполагает, что автор вообще уходит из текста, представляя читателю как бы абсолютно объективную картину мира. На самом деле последнего не может быть, автор неизбежно проявит себя даже в самом процессе отбора деталей.

Описание в текстах СМИ никогда не бывает развитым в такой степени, какая может быть достигнута в художественных текстах. Причина — в утилитарном предназначении этих текстов, в частности, объемы текста СМИ заведомо меньше, чем у художественного текста.

Конструкциями, формирующими текст описания, достаточно часто являются односоставные номинативные предложения.

Основное функциональное назначение такого типа предложений — выразить идею бытийности, существования. Если при этом используется лексика с предметным значением¹, то с помощью такого описания изображается фрагмент вещного, чувственно воспринимаемого мира с актуализацией пространственных отношений:

В классе их пять. Одеты в пятнисто-голубую форму. *На груди справа черная нашивка с желтыми буквами «ОМОН», слева металлический жетон с гербом МВД. Два ряда парт из желтой прессованной древесины. Окна с вертикальными жалюзи. Между окнами фанерные листы с металлическими скрепами, на них картонные наглядные пособия. На одном автомате, внизу подпись: «Стрелковое оружие»* (Русский репортер. 2013. № 32).

Описание может формироваться и на основе двусоставных предложений. Тогда функциональные свойства описания зависят от порядка следования главных членов — подлежащего и сказуемого. Особенно ярко эти различия выражены в том случае, если описывается мир вещный, чувственно воспринимаемый.

Если подлежащее предшествует сказуемому, то происходит актуализация состава сказуемого. Поскольку в русском языке сказуемое выражается обычно глаголом или прилагательным, то такое описание актуализирует качественный аспект описываемого фрагмента, подчеркивая свойства, действия, признаки и т.п.

Первый — *плотный, невысокий, с бритыми висками и челкой-бобриком. На плечах четыре звезды. Похож на охранника. Его сосед по парте полноватый, низкий, усатый, лет пятидесяти. Похож на смекалистого крестьянина. Третий — крупный мужчина с волосами желто-серого цвета. Уши слегка оттопырены, лицо круглое, выражение слегка обиженное. Похож на старшеклассника. За третьей партией, положив на нее фуражку, сидит*

¹ В данном учебном пособии в выделении типов языковых значений мы опираемся на работы по семантике Н. Д. Арутюновой. Содержание терминов «предметное значение», «значение событийного типа», «значение факта» соответствует истолкованию этих терминов в ее работах: Арутюнова 1976; 1988; 1998.

высокий мужчина с усмешкой на одну сторону. *Бровь с той стороны, где усмешка, уехала к окну — приподнята. Лицо бледное, обычное. Расслаблен. Пятый, сидящий во втором ряду, лысоват, имеет широкий лоб, узкий подбородок, малиновые пухлые губы. Нос незаметный. А глаза яркие, голубые, отвечающие. На полицейского не похож. Сидит, полуобернувшись к окну. Отличается от других* (Русский репортер. 2013. № 32).

Если конечную позицию занимает состав подлежащего, то в этом случае актуализируется предметная сторона мира, обращается внимание на само существование того, что называется подлежащим. В этом случае актуализируется вещный аспект мира, и такое описание одновременно формирует пространственные отношения:

И вот пасака — десятка четыре явно переживших партизанскую войну ульев и рядом все, чему полагается быть на лесной пасеке: небольшой пруд (пчелам непременно нужна вода), омшаник, медогонка, воскотопка, флаги для меда, закапанный воском халат, дымарь, навес для отдыха пчеловода. Пахнет медом, сухими травами. *Гудят работающие пчелы, над прудом летают стрекозы, в воде плещутся караси* (В. Песков. Глухие места).

Построенные таким образом двусоставные предложения легко взаимодействуют с односоставными номинативными предложениями (начало примера), так как там главный член предложения при изображении чувственно воспринимаемого мира выражен существительными с предметным значением.

В газете, которая в целом обращена к миру событий (мир нашей жизни) и миру фактов (мир информации), чаще встречаются описания более отвлеченного содержания, основанные на значениях событийного типа, которые выражаются чаще всего целым предложением:

Слева — картофельные поля, в сторону Волхова — теплицы, — с гордостью показывает матушка Нонна монастырское хозяйство. — *Мед привозят с нашего подворья под Валдаем. У нас натуральное хозяйство, всем своим мы практически полностью обеспечены. Сейчас в нашем монастыре почти*

шестьдесят сестер. Все трудятся: и старые, и малые. Кто к чему способен, тот тем и занимается... А недавно нам еще и газ провели — у нас теперь собственная котельная. Осталось вот еще кирпичную ограду восстановить. Может, и монастырскую пристань заново поднимем. Сюда ведь раньше теплоход из Новгорода ходил... (С.-Петерб. ведомости. 2014. 17 сент.).

Еще более отвлеченным выглядит описание в деловой прессе, поскольку там описание сосредоточено на представлении ситуаций, связанных с финансовой, производственной деятельностью, а значит, используется лексика с максимально отвлеченным значением:

Теневой сектор развит сильно, у большинства краснодарцев по два-три **источника доходов**: «белая» работа, «серая» подработка, приусадебный участок. Официально **реальные доходы** — 26 тыс. руб., по факту — 40–50 тыс. руб. Но это не должно вводить в заблуждение — **социальное расслоение** на Кубани велико. Статистика сообщает: в 2013 году на 20% наиболее обеспеченных жителей региона приходилось 47,9% **общего объема денежных доходов**, а на 20% наименее обеспеченных — только 5,1%. На селе **наемные работники** получают 9–10 тыс. руб. в месяц. Кроме иномарок в Краснодаре много старых советских автомобилей, а рядом с дорогами кафе стоят весьма популярные столы, таких в Москве почти не найти (Коммерсантъ. 2014. 15 сент.).

При всей вариативности приведенных выше примеров мы не должны упускать из виду главное, когда оцениваем речевое оформление содержания фрагментов: во всех случаях коммуникативная цель — дать представление о том или ином фрагменте действительности путем перечисления основных деталей. Допустимо варьирование семантики: и семантика предметная, и семантика событийного типа. Степень выраженности личностного начала может быть разной, но она никогда не является главной коммуникативной целью. Описание всегда в большей или меньшей степени претендует на объективность².

² Более детально об описании и других речевых формах см.: Коньков, Неупокоева 2011.

Повествование. Оформляя речь в виде повествования, автор стремится дать представление о том или ином фрагменте действительности на основе отношений временной последовательности. Чаще всего такая речевая форма используется, чтобы рассказать о каком-то случае, происшествии, изложить биографию героя. Повествование используется также для изображения последовательности состояний природы, физических действий.

В качестве примера приведем рассказ о истории жизни протоиерея Павла Адельгейма:

1 августа 1938 года *родился* в Ростове-на-Дону. После ареста матери в 1946 году жил в детдоме, затем вместе с ней — в Казахстане, сначала на поселении, а потом в Караганде, откуда *уехал* в Киев, *стал* послушником Киево-Печерской лавры, поступил в Киевскую духовную семинарию, но в 1959 году *был отчислен*.

В том же году архиепископ Ермоген (Голубев) *рукоположил* его во диакона Ташкентского кафедрального собора. В 1964 году он *окончил* Московскую духовную академию и был назначен священником в город Каган Узбекской ССР. В 1969-м *был арестован* и в 1970-м *осужден* на три года лагерей «за клевету на советский строй».

В 1971-м во время бунта в ИТУ поселка Кызыл-Тепа *потерял* правую ногу. В 1972 году *освободился*. Служил в Ташкентской и Рижской епархиях, а с 1976 года — во Пскове.

В 1992 году при храме Святых Жен Мироносиц *открыл* школу регентов, в 1993 году при храме святого апостола Матфея в деревне Писковичи — *приют* для сирот-инвалидов. До 2008 года был настоятелем храма Святых Жен Мироносиц. Указом архиепископа *освобожден* от должности с сохранением права службы.

Был членом попечительского совета Свято-Филаретовского православно-христианского института.

Был женат, имел троих детей, шесть внуков.

5 августа 2013 года *убит* (Русский Репортер. 2013. № 48).

Главное средство формирования отношений временной последовательности — цепочка глаголов совершенного вида прошедшего времени. Однако в выражение этих отношений

легко могут встраиваться и другие средства: предложно-падежные формы с предлогами, передающими временные отношения (*после ареста*), наречия со значением времени (*затем, сначала, потом*), союзы (*и*), даты с предлогами для конкретизации временных отношений (*в 1959 году, с 1976 года, до 2008 года*).

Мы видим, что степень выраженности авторского «я» здесь минимальна, так как коммуникативная цель повествования не предполагает активизации личностного начала. В зависимости от жанра и типа издания авторский компонент может быть достаточно заметен. Так, после приведенного выше объективно построенного редакционного материала идет авторский текст, где повествование уже включено в сферу сознания автора текста, и субъективный компонент становится заметным:

Так он думал, так жил сам. Забывал плохое, прощал, помогал. Купил в пяти километрах от Пскова дом для выпускников детского дома для инвалидов, нашел помощницу по хозяйству. Завели огород, а в подвале устроили свечную мастерскую, чтобы было чем зарабатывать на жизнь.

Вместе со своими прихожанами восстановил храм: когда в начале 90-х его отдали общине, люди на службе стояли под зонтами. Сейчас не верится. Неподалеку построили православную школу, которая, если бы не неуемная энергия отца Павла, так и не получила бы лицензию (Русский репортер. 2013. № 48).

Однако в любом случае выражение личного отношения автора к тому, о чем он рассказывает, не является основной коммуникативной целью повествования. Главная задача — представить содержание на основе отношений временной последовательности. Может показаться, что формирование содержания в виде повествования является достаточно простым речевым действием и не требует квалификации. Однако это мнение ошибочно. Жизнь любого человека состоит из множества событий, ситуаций, поступков, решений и т.д., которые образуют единый, нерасчлененный поток. Повествовательная речевая форма предполагает, что мы сегментируем течение жизни, отбираем главное, существен-

ное и только тогда получаем возможность представить содержание на основе повествовательной речевой формы. Этому нужно учиться.

Следует заметить, что повествование, как, впрочем, и другие речевые формы, далеко не всегда соответствуют одному абзацу. В одном абзаце могут быть совмещены несколько речевых форм небольшого объема. Рассмотрим следующий пример:

Столкновения фанатов произошло вечером в среду, во время матча Лиги чемпионов в Риме между командами московского ЦСКА и итальянской «Ромы». Инцидент произошел на 71-й минуте встречи. *Во время второго тайма фанаты ЦСКА начали забрасывать итальянских болельщиков горящими файерами. Кроме того, некоторые фанаты армейского клуба попытались прорваться на соседний сектор, в результате чего завязалась драка со стюардами, работающими на арене.* По официальным данным, в результате были ранены 13 стюардов и четверо сотрудников полиции. Сотрудники правоохранительных органов арестовали семерых россиян, предположительно причастных к произошедшему (РИА Новости. 2014. 18 сент.).

Первые два предложения представляют собой констатацию факта и являются формой, вводящей в текст дальнейшее повествование. После повествования идет короткое информационное сообщение. В принципе, этот абзац может быть разбит на три самостоятельных абзаца:

Столкновения фанатов произошло вечером в среду, во время матча Лиги чемпионов в Риме между командами московского ЦСКА и итальянской «Ромы». Инцидент произошел на 71-й минуте встречи.

Во время второго тайма фанаты ЦСКА начали забрасывать итальянских болельщиков горящими файерами. Кроме того, некоторые фанаты армейского клуба попытались прорваться на соседний сектор, в результате чего завязалась драка со стюардами, работающими на арене.

По официальным данным, в результате были ранены 13 стюардов и четверо сотрудников полиции. Сотрудники правоохранительных органов арестовали семерых россиян, предположительно причастных к произошедшему (РИА Новости. 2014.18 сент.).

При таком членении на абзацы, где границы между абзацами соответствуют границам между речевыми формами, текст более удобен для восприятия, хотя и занимает больше места.

Рассуждение. Оформляя речь в виде рассуждения, автор намерен дать представление о том или ином фрагменте действительности на основе выявления отношений между компонентами содержания (формально-логических отношений, отношений обусловленности, ассоциативных отношений и др.). Чаще всего такая речевая форма применяется для анализа происходящего, той или иной проблемы, сложившейся ситуации, положения дел с целью предложить решение, найти пути выхода из создавшейся ситуации, осмыслить особенности данного положения дел. В художественной литературе эта речевая форма используется также при изображении размышлений персонажа, изображается сам ход мысли, ее течение, ассоциативность, нелинейность.

Существует несколько разновидностей рассуждения. В научной литературе цель отвлеченного (абстрактного) рассуждения — получение нового знания. Оно строится по законам формальной логики, направлено на получение нового научного знания и не предполагает выражения личностного начала при изложении научного знания. В самом деле, было бы очень странно прочитать об удивлении или восторге автора по поводу того, что, например, дважды два — четыре, а не пять или три с половиной.

В газете широко распространено практическое рассуждение. Оно направлено на решение какой-то важной проблемы в жизни общества, поиск выхода из создавшейся ситуации, осмысление создавшегося положения дел для выбора дальнейших действий и т.д. Но в любом случае цель практического рассуждения — не получение нового знания: оно направлено во внетекстовую практическую жизнь.

В отличие от научного рассуждения, практическое рассуждение может апеллировать к чувствам и эмоциям, опираться не только на научное знание, но и на здравый смысл, отчасти оно может характеризоваться даже ассоциативностью. Такое рассуждение предполагает, что автор, рассуждая, выражает при этом свое отношение, обозначает свое присутствие в тексте.

Рассмотрим те отношения, которые связывают компоненты содержания:

1. Другой вопрос, оставшийся без ответа: может ли входить в портфолио школьная характеристика выпускника? 2. Если да, то как проверить, соответствует ли она действительности? 3. И не есть ли это возвращение к тому самому «субъективизму», ради борьбы с которым 12 лет назад затевали ЕГЭ? 4. Коррупцию в нашей стране никто не отменял, напомнили участники слушаний. 5. Так что раздача характеристик может превратиться в дополнительный доход, особенно в условиях сокращения бюджета образования. 6. Через пару лет по 20 максимальных баллов за портфолио принесут в вузы поголовно все абитуриенты. 7. За что, спрашивается, боролись? (МК. 2014. 21 сент.).

Между двумя частями предложения 1 отношения пояснения. Между двумя частями предложения 2 отношения условные. При этом первое и второе предложения связаны друг с другом отношением «вопрос — ответ». Предложение 3 представляет собой уточнение к предложению 2. Предложение 4 указывает на причину того, о чем говорится в предыдущем предложении. Предложение 5 связано с предыдущим текстом отношениями следствия. Предложение 6 связано с предыдущим текстом отношениями пояснения. Предложение 7 связано со всем предыдущим текстом отношениями следствия.

Коммуникативная цель данной речевой формы — убедить общество в несостоятельности очередного шага в реформе системы образования. Рассуждение направлено во внетекстовую деятельность, на решение имеющейся проблемы в сфере образования.

Практическое рассуждение широко распространено в аналитических материалах. Степень выраженности личностного начала зависит от характера содержания, а следовательно, и от типа издания. Так, в деловой газете «Ведомости», рассуждение будет выглядеть более отвлеченным, чем в других изданиях, поскольку посвящено экономическим проблемам — проблемам финансов, экономическому аспекту политической деятельности и т.п.

В изданиях типа газеты «Московский комсомолец» практическое рассуждение получает существенно более ярко выраженное личностное начало, поскольку материалы газеты посвящены житейским проблемам. Материалы политико-экономического плана также даны в аспектах, затрагивающих повседневную жизнь обычного человека.

Комментарий. Оформляя речь в виде комментария, журналист преследует другую цель — представить свое мнение о событии, сложившейся ситуации, чем-либо поступке, принятом решении и т.д. Выражение мнения сопровождается, как правило, оценочными суждениями. Именно мнение и оценка являются коммуникативными целями комментария. Комментарий не претендует на объективность и исключительную правильность. Ценится мнение именно конкретного человека. Не случайно для комментария в некоторых газетах отводится специальная полоса, как, например, в газете «Известия», где комментарии печатаются под рубрикой «Мнение».

Рассмотрим речевые особенности комментария, отличающие его от других речевых форм.

Дэвид Кэмерон — гораздо большая угроза целостности Британского союза, чем Алекс Салмонд.

За последнее время этот политический деятель развил такую деструктивную активность, что любо-дорого посмотреть. Практически каждое его выступление за последний год вызывает у людей в различных точках мира возмущение и отторжение. Нет, я даже не напоминаю, что именно он озвучил разрушительную для экономик разных стран идею отключить Россию от системы банковских оповещений, вбивая таким образом международную торговлю в каменный век факсов и чеченских авизо. Я просто видел, как бледнели лица бизнесменов — торговцев виски в Шотландии, шотландских торговцев портувейном в Португалии, когда они слышали это.

Я говорю о его роли в шотландском, будем говорить так, «кризисе».

Именно высокомерный, самоуверенный, совершенно имперски мыслящий Кэмерон бросил как-то кость шотландским националистам: «Хотите независимости — устраивайте референдум». То есть то, что произошло вчера, — все это продукт его убежденности, что «никуда не денутся, утрутся и будут как

все». Оказалось, что он ничего не знает о своих гражданах шотландской национальности. То ли он не учил историю, то ли история не научила его (Известия. 2014. 19 сент.).

Прежде всего, отметим наличие сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным как наиболее эксплицитный способ выражения субъективно-модальных значений: *я даже не напоминаю, что...; я просто видел, как...; оказалось, что...*

Специально ориентированы на выражение мнения вводные слова и модальные частицы: *будем говорить так, практически, даже, именно*. Текст комментария насыщен словами и словосочетаниями, дающими оценку происходящему: *гораздо большая угроза; деструктивная активность; каждое его выступление вызывает возмущение и отторжение; разрушительная для экономик разных стран идея; вбивать международную торговлю в каменный век факсов и чеченских авизо; высокомерный, самоуверенный; бросил кость; не учил историю; история не научила его*.

Комментарий, как выражение мнения автора, призван продемонстрировать речевое мастерство автора, наличие индивидуального стиля. Особенно ярко эта тенденция проявляется в сфере колумнистики. Для читателя колонки интересна прежде всего личность колумниста, а не только те события или ситуации, которые послужили поводом для создания текста.

Обычно колумнист — это человек, имеющий имя в журналистике, обладающий высоким социальным, профессиональным статусом. Среди колумнистов, помимо тех, для кого журналистика является профессией, можно встретить известных писателей, политиков, специалистов, чье мнение интересно само по себе. Колумнист должен обладать талантом писать ярко, остро, выразительно, он должен свободно владеть всем арсеналом средств выразительной речи. Необходимо иметь широкий кругозор, высокий уровень общей культуры и культуры русской речи в особенности. В качестве примера можно привести работы В. Панюшкина, А. Колесникова, М. Соколова и др. Пользуются успехом публицистические выступления писателя Захара Прилепина.

Все перечисленные речевые формы, хотя и широко распространены в печатных СМИ, сами по себе универсальны и встречаются в самых различных сферах речевой практики общества. Так, описание и повествование особенно развиты в художественной прозе, составляют подчас практически весь текст художественного произведения. Но нам необходимо обратить внимание и на такие речевые формы, которые сформировались именно в печатных СМИ и свойственны только этому сегменту речевой практики общества.

Констатация факта. Факт — это информация о том, что происходит в мире событий, результат осмысления, поэтому факты констатируют, а событие происходит. Мы не можем сказать: «Произошел факт».

Коммуникативная цель констатации факта состоит в том, чтобы дать одну порцию актуальной, социально значимой информации о том, что имеет место в мире событий: в жизни мирового сообщества, государства, города, в жизни того или иного политического, государственного или общественного деятеля, в жизни обычного человека и т.д.

На основе констатации факта формируется официальная хроникальная информация. Данная речевая форма максимально лишена всех средств выражения авторского «я», поскольку, по определению, факт — это информация.

Долгая «Скандинавия»

Ленобласть. Готовится реконструкция трассы «Скандинавия» стоимостью более 100 млрд рублей. Реконструкцию планируется начать в 2015 году, а завершить после 2020-го. Проект будет реализован по схеме государственно-частного партнерства (Деловой Петербург. 2013. Дек. № 003).

Наиболее ярко констатирующая модальность выражается с помощью простых предложений. Любое сложное предложение — это всегда акт сочленения двух частей и более, и в самом акте сочленения неизбежно предопределено наличие субъекта, который это совмещение осуществляет. Таким образом, любой союз всегда

в той или иной степени выражает личностное начало. Изложение информации как сугубо официальной обеспечивается за счет простых предложений, лишенных средств выражения авторского «я». По этой же причине при оформлении содержания в виде констатации факта не следует использовать местоимения в качестве вторичной номинации. При построении такого текста всегда идут по пути повторения основной номинации. Так, в приведенном выше примере во втором предложении возможно личное местоимение: *Ее планируется начать в 2015 году*. Подобный вариант корректен во всех отношениях, но есть один нюанс: наличие личного местоимения уменьшает степень официальности, поэтому вместо личного местоимения *ее* употребляется второй раз основная номинация *реконструкция*. Первое предложение в этой речевой форме дает представление о факте в целом, а затем идет его детализация. Содержание формируется от общего к частному. Текст, построенный по такому принципу, легко сократить.

Развернутое информационное сообщение. Коммуникативная цель развернутого информационного сообщения — сообщить читателю несколько порций однородной информации. Содержательные компоненты однородны, возможна перестановка или изъятие отдельных компонентов. Личностное начало также сведено к минимуму.

В развернутом информационном сообщении относительно большого объема неизбежно устанавливаются те или иные логические отношения между компонентами содержания. Это неизбежно приводит к появлению сложных предложений и, соответственно, к выраженности (пусть и очень незначительной) личностного начала. Выражение мнения автора не входит в коммуникативную цель данной речевой формы. Так, например, развернутое информационное сообщение, посвященное тому же проекту «Скандинавия», выглядит следующим образом:

Трасса М-10 «Скандинавия» насчитывает 148 км и проходит по территории Выборгского района Ленобласти. Для реконструкции трассу поделили на пять участков. Первые два уже спроектированы. А в начале декабря ФКУ «Севза-

пуправодор» (структура Федерального дорожного агентства) подведет итоги конкурсов на подготовку проектов реконструкции последних трех — от поселка Кирпичное Выборгского района Ленобласти до подъезда к МАПП «Торфяновка» (100–203 км) на границе с Финляндией. В следующем году государство определится с инвестором, который профинансирует часть проекта общей стоимостью 100 млрд рублей. Реконструкцию трассы предполагается начать в 2015 году, а завершить после 2020-го. Эксперты полагают, что реконструкция дороги даст импульс загородному домостроению и повысит спрос на землю в отдаленных от Петербурга районах, прилегающих к «Скандинавии». Сейчас земля здесь стоит дешево, но с обновлением магистрали она может значительно подорожать (Деловой Петербург. 2013. 27 нояб.).

Мы видим, что по содержанию многие предложения являются автосемантическими. Следовательно, можно изменить их порядок. Установка на выражение личностного начала здесь также отсутствует, хотя в тексте можно найти некоторое количество смыслов, представляющих сферу сознания субъекта: *первые два; последние три; она может значительно подорожать* и др.

Формирование содержания газетного материала на основе констатации факта и развернутого информационного сообщения свойственно деловым изданиям и материалам официального характера. Если же мы имеем дело с изданием, которое выстраивает отношения с аудиторией на основе диалога с обращением к эмоциональной сфере, с публикациями, которые говорят о проблемах, включая их значимость в жизни читателя, то для сообщения о том, что происходит в мире, используют другие речевые формы, которые строятся на основе семантики событийного типа.

Сообщение о событии. Коммуникативная цель — представить содержание как вмещенное в чью-то жизнь, как событие в чьей-то жизни (страны, города, человека и др.). Когда то, что произошло, представляется на основе семантики событийного типа, неизбежно в большей или меньшей степени отражается сфера субъекта речи или сфера персонажа. Речь должна быть такой, чтобы читатель почувствовал, что произошедшее является частью жизни читателя и автора текста. Речь ни в коем случае не

идет о формировании индивидуального стиля. Здесь мы имеем дело с семантикой событийного типа, которая по природе своей предполагает включенность в речь сферы автора:

26 июня в 19:00 в Московском доме книги на Новом Арбате состоится встреча с одним из самых значимых русских поэтов XX века, публицистом, кинорежиссером и актером Евгением Евтушенко.

Евгений Евтушенко — легендарный поэт, знаковая фигура в отечественной культуре, лауреат многих десятков российских и международных премий. Но главная награда, которой он отмечен, — любовь читателей и слушателей, выдержавшая испытание временем и обстоятельствами.

У всех желающих есть уникальная возможность пообщаться с любимым по-этом и получить автограф! (Комсомольская правда. 2014. 25 апр.)

В заметке не просто дается официальная информация о встрече читателей с Евгением Евтушенко в Московском доме книги. Встреча с поэтом представлена как событие в жизни города. Положительное отношение автора к событию, о котором он сообщает читателям, те легко могут почувствовать при чтении текста. Оно находит проявление в положительных оценках, близких к значению превосходной степени имени прилагательного: *один из самых значимых русских поэтов; легендарный поэт; знаковая фигура; любовь читателей и слушателей, выдержавшая испытание временем и обстоятельствами; любимый поэт; уникальная возможность*. Положительное отношение автора подчеркивается концептуальной метафорой (*любовь читателей и слушателей, выдержавшая испытание временем и обстоятельствами*) и восклицательным предложением, заканчивающим текст.

Если бы мы составили текст о предстоящей встрече поэта с читателями, опираясь на семантику факта, ограничившись сообщением необходимой информации, то материал приобрел бы совершенно другой внешний вид (констатация факта):

26 июня в 19 часов в Московском доме книги на Новом Арбате состоится встреча с поэтом, публицистом, кинорежиссером и актером Евгением Евту-

шенко. Евгений Евтушенко — лауреат российских и международных премий. Пришедшим на встречу представится возможность пообщаться с поэтом и получить автограф.

Мы видим, что совершенно меняется интонационный строй текста: интонация становится официальной, так как авторское отношение к предстоящей встрече практически не выражено.

При изучении речевых форм ни в коем случае не следует полагать, что вся печатная речь, газетная и журнальная, состоит из данных форм. Мы легко можем встретить плохо оформленное изложение или не оформленное вообще. Кроме того, существуют и другие речевые формы. Мы рассказали лишь об основных, базовых речевых формах, их разновидности во многом остались за рамками данного пособия.

Нужно помнить главное: хорошо оформленная речь делает чтение легким и комфортным. Привычные для читателя речевые формы помогают сделать содержание текста рельефным, существенно увеличивают шансы на внимательное прочтение. Речь, не оформленная по существующим канонам, однотипная, одна на все случаи жизни, утомляет читателя, заставляет его скользить по тексту, не дает ему возможности обратить внимание на нюансы содержания. Появляется раздражение из-за однообразия текста, его речевой аморфности. Целесообразно воспользоваться речевым опытом, накопленным многими предшествующими поколениями.

Вопросы и задания

1. Расскажите, какое содержательное наполнение имеет термин «композиционно-речевая форма».
2. В чем состоит коммуникативная цель описания? Расскажите об основных особенностях этой речевой формы.
3. В чем состоит коммуникативная цель повествования? Расскажите об основных особенностях этой речевой формы.
4. В чем состоит коммуникативная цель рассуждения? Расскажите об основных особенностях этой речевой формы.

5. В чем состоит коммуникативная цель констатации факта? Расскажите об основных особенностях этой речевой формы.

6. В чем состоит коммуникативная цель развернутого информационного сообщения? Расскажите об основных особенностях этой речевой формы.

7. В чем состоит коммуникативная цель сообщения о событии? Расскажите об основных особенностях этой речевой формы.

Ориентация на массовую аудиторию

Описанные выше речевые формы могут выглядеть по-разному в зависимости от того, на какую аудиторию они рассчитаны. Как известно, многие издания ориентируются на довольно узкий сегмент читательской аудитории. Деловые издания рассчитаны на читателей, в большей или меньшей степени обладающих специальными знаниями по экономике, банковской деятельности, финансам и т.п. Есть издания, рассчитанные на молодежную аудиторию, и издания, адресованные пенсионерам. Аудитория может быть определена по интересам, по гендерному признаку и т.д. Любая ориентация требует, чтобы при написании текста его лексико-грамматические особенности, содержательное наполнение и многое-многое другое учитывали интересы соответствующей аудитории.

Для овладения профессиональными речевыми навыками для работы в СМИ принципиально важно научиться писать тексты, рассчитанные на массовую аудиторию, т.е. на любого читателя.

Массовая аудитория — это аудитория, не дифференцированная по какому-либо известному признаку: возрасту, профессии, интересам и т.д.

Есть еще одно важное обстоятельство, которое следует учитывать при написании газетного текста. Газетный текст утилитарен: он предназначен для того, чтобы его прочитали вскоре после

выхода номера, он вписан в общую практическую деятельность общества. Газета, которая вышла сегодня, через несколько дней уже никому не нужна, поэтому опубликованный там текст либо читается сразу, либо не читается вообще. В отличие от научной или художественной литературы, для чтения газетного текста человек, как правило, не отводит специального времени. Газеты просматриваются за обедом или завтраком, читаются во время езды в транспорте и т.д. Газетные тексты не перечитываются. Следовательно, газетная речь должна быть особой: она должна восприниматься с первого раза, причем не всегда в благоприятных для чтения условиях. Рассмотрим основные параметры текста, которые необходимо учитывать, чтобы текст был пригоден для потребления массовой аудиторией и прочитывался с первого раза.

Каждый человек знает по собственному опыту, что предложения бывают простыми и сложными для восприятия. Первые воспринимаются сразу, вторые требуют дополнительных усилий. Очевидно, что ориентация на массовую аудиторию и особые условия восприятия (чтения) требуют, чтобы текст состоял из предложений, которые являются легкими для восприятия.

Что значит «предложение легко воспринимается»? Каким оно должно быть?

Сразу заметим, что мы не можем сказать, что простые по структуре предложения воспринимаются легко, а сложные — трудно. Очень часто бывает как раз наоборот. Сравним два предложения:

- простое предложение: *Среди HR-трендов этого года также называют поиск персонала в социальных и профессиональных сетях, использование новых инструментов рекрутмента (видеоинтервью, ролики — презентации компании, поиск по рекомендациям), дальнейшее развитие рынка программного обеспечения для HR, а также мобильных версий и приложений.*

- сложное предложение: *Что мы делаем для того, чтобы вместо монотонного бытия иметь фонтан энергии?*

Мы видим, что первое предложение, простое по структуре, в семантическом плане является чрезвычайно сложным для восприятия. Второе предложение, которое по структуре является

сложным, воспринимается гораздо легче за счет сравнительно простого содержания.

Рассмотрим основные лексико-грамматические параметры предложения, которые следует учитывать, если нужно сделать текст доступным для массовой аудитории.

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Отглагольные существительные — это существительные, образованные от глаголов. Такие слова легко узнать: они чаще всего заканчиваются на *-ение, -ание, -ние, -тие, -ие, -ье*. При написании или редактировании текста следует помнить, что любое отглагольное существительное по своему смыслу равно свернутому предложению, а значит, затрудняет восприятие текста. Желательно превращать отглагольные существительные в самостоятельные предложения или в части сложных предложений. Текст с отглагольными существительными воспринимается труднее. Ср.:

После окончания фильма прямо в студии состоялось его обсуждение. —

Фильм закончился, и зрители в студии долго обсуждали увиденное.

Мы видим, что вариант без отглагольных существительных, с глаголом в активной форме воспринимается легче.

ДЛИНА СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Длина словосочетаний не должна превышать 5–7 слов. Подобное ограничение объясняется особенностями кратковременной памяти человека, которая характеризуется ограниченностью объема (в среднем 7 ± 2 единиц). **Кратковременная память** — это одномоментное фиксирование того, что попало в поле восприятия. При этом мы получаем возможность первичной ориентировки в обстановке. Это не только промежуточное

хранилище, но и фильтр, который отсеивает ненужное и оставляет полезное. Если кратковременная память переполняется, то новая информация частично вытесняет уже имеющуюся. Вытесненная информация исчезает. Поэтому крайне желательно писать так, чтобы не перегружать кратковременную память читателя.

В предложении *Основные российские фондовые индексы в четверг обновили локальные минимумы на фоне дешевой нефти и опасений по поводу новых санкций* выделенное словосочетание слишком длинное. Преобразуем предложение: *Основные российские фондовые индексы в четверг обновили локальные минимумы. Причины — дешевеющая нефть и возможность новых санкций.*

Большая длина словосочетания очень часто объясняется как раз наличием в одном словосочетании нескольких отглагольных существительных. Предложение с отглагольными существительными и словосочетанием, размеры которого превышают пределы кратковременной памяти человека:

Глава государства дал Министерству обороны месяц на проведение инвентаризации и принятие безотлагательных мер по обеспечению безопасности объектов и людей, —

можно преобразовать, изъяв отглагольные существительные и уменьшив длину словосочетания:

Глава государства дал Министерству обороны месяц на то, чтобы провести инвентаризацию и обеспечить безопасность объектов и людей.

ЛИШНИЕ СЛОВА

При написании и редактировании текста следует внимательно следить за тем, чтобы в предложении не было слов, которые не участвуют в формировании смысла предложения. К таким словам относятся обычно лексические и контекстуальные повторы, анафорические местоимения, слова, обозначающие элементарные и очевидные фоновые знания, а также условные этикетные обороты из документов, с которыми ра-

ботаает журналист. Рассмотрим следующий фрагмент текста. Все слова и словосочетания, которые не являются необходимыми для формирования содержания фрагмента, выделим жирным шрифтом:

Следующая версия операционной системы (ОС) от Microsoft будет называться Windows 10. **Об этом** сообщили во вторник представители **этой американской компании** на встрече с журналистами в Сан-Франциско.

На ней было, в частности, заявлено, что разработчики новой ОС решили «перескочить» девятую версию продукта и использовать готовившиеся **для нее** наработки в новом варианте системы. **Как уточняется, в нем** будут восстановлены некоторые прежние, ставшие уже традиционными, функции, отсутствовавшие в предыдущей ОС Windows 8, **что** вызывало недовольство пользователей (73 слова).

После исключения лишних слов, которые удлиняют текст, но не вносят в него никаких новых смыслов, мы получим следующее сообщение:

Следующая версия операционной системы (ОС) от Microsoft будет называться Windows 10, сообщили во вторник представители Microsoft на встрече с журналистами в Сан-Франциско.

Разработчики новой ОС решили «перескочить» девятую версию продукта и использовать готовившиеся наработки в новом варианте системы. Будут восстановлены некоторые прежние функции, отсутствие которых в Windows 8 вызывало недовольство пользователей (50 слов).

Прочитаем внимательно следующий текст:

Ответы на наиболее часто задаваемые клиентами вопросы о возможностях и особенностях платежей с помощью СМС-сообщений дает Мамонтов Игорь, директор управления платежей и переводов ОАО «Сбербанк России».

Обратим внимание на то, что выделенная жирным шрифтом часть текста не несет практически никакой полезной нагрузки. Суть содержания сводится к двум порциям информации:

- речь идет о платежах с помощью СМС-сообщений;
- источником информации является указанное лицо.

Сохраняем те слова, которые несут эти две порции информации, другие слова убираем и преобразуем конструкцию в вопросно-ответное единство, что выглядит естественным, так как речь идет именно об ответах на вопросы. Итоговый вариант:

Как перевести деньги с помощью СМС-сообщений? На вопросы клиентов отвечает Игорь Мамонтов, директор управления платежей и переводов ОАО «Сбербанк России».

ЛЕВОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ

О левом распространении говорят тогда, когда обособленный оборот ставится не справа, а слева от главного слова. Левое распространение нежелательно, поскольку затрудняет восприятие текста. Если, например, причастный оборот стоит справа от главного слова, то, прочитав причастный оборот, мы сразу же усваиваем его содержание, потому что то слово, к которому причастный оборот относится, появилось перед глазами читателя раньше причастного оборота: **Санкции, введенные в отношении России западными странами, являются катализатором процесса евразийской интеграции.**

Если же причастный оборот стоит слева, то его содержание не усваивается, пока читатель не доберется до главного слова. Нередко такие конструкции приходится перечитывать. Поэтому нежелателен вариант: *Введенные в отношении России западными странами санкции, а также ответные шаги Москвы являются катализатором процесса евразийской интеграции.*

Неправильно: Как выразился глава Чечни, проживающий после освобождения в Швейцарии бизнесмен «объявил себя врагом всех мусульман мира».

Правильно: Как выразился глава Чечни, бизнесмен, проживающий после освобождения в Швейцарии, «объявил себя врагом всех мусульман мира».

ПОДАЧА ЦИФРОВОГО МАТЕРИАЛА

Источниками разного рода статистики обычно являются документы, с которыми журналист знакомится при сборе информации. Это могут быть статистические сводки, таблицы, отчеты, справки и т.д. Речевые особенности документа определяются прежде всего тем, что документ предназначен для хранения информации. Документ не предназначен для того, чтобы эту информацию могла легко воспринимать массовая аудитория. В частности, текст документа не рассчитан на чтение вслух. Само по себе чтение вслух всегда предполагает наличие другого участника коммуникативного акта и учитывает его интересы.

Требования к документу — полнота и точность информации. Эти требования сплошь и рядом вступают в противоречие с возможностями читающего или пишущего человека. Если журналист при подготовке материала для публикации в газете формально переносит цифровые данные из документа в текст, то содержание последнего становится чрезвычайно трудно воспринимать.

Рассмотрим следующее предложение: *Через таможенный пункт за год прошло 1,473 млн транспортных средств.* Попробуем прочитать то, что обозначено цифрами: *Через таможенный пункт за год прошло одна целая четыреста семьдесят три тысячных миллиона транспортных средств.* Само словосочетание *тысячных миллиона* говорит о том, что это просто нелепый способ представления числа. Какими другим способами можно записать данное число? Существует несколько вариантов: *1 473 000*; *1 млн 473 тыс.*; *1 миллион 473 тысячи.* Очевидно, что запись с использованием только цифр неудобна для чтения, потому что нужно считать количество нулей и др. Сокращение слов затрудняет чтение, но в меньшей степени. Последний вариант наиболее легкий. Именно его и рекомендуется использовать, если текст предназначен для максимально широкой аудитории. Вариант с сокращенными словами используется в деловых изданиях.

В некоторых случаях можно использовать прием округления числа. Если вернуться к предыдущему примеру, то читателю не

так уж и важно, пройдет через таможенный пункт 1 миллион 473 тысячи транспортных средств или полтора миллиона. Разница между числами равна всего 27 тысячам, которыми можно пренебречь как несущественными: *Через таможенный пункт за год прошло около полутора миллионов транспортных средств.*

В массовых изданиях округление представляется желательным, если оно не ведет к существенным изменениям представлений о реальной жизненной ситуации. Исходя из моральных соображений не следует округлять следующие данные: число жертв при катастрофе, проценты увеличения или уменьшения пенсий, доходов, налогов разного типа и т.п.

Рассмотрим в связи со сказанным следующий пример. В материалах агентства «РИА Новости» мы находим следующее предложение: *Стоимость работ [проект реконструкции] оценивается в 80,43 миллиона рублей, говорится в документах заказа.* В газете при подготовке хроники был использован материал информационного агентства, но приведенное предложение было несколько изменено: *Стоимость работ составляет 80 млн рублей, сообщается на сайте госзакупок.* Округление числа выглядит вполне обоснованным, если учесть небольшой процент изменения первоначальных данных и отсутствие отрицательных последствий: моральных, этических или каких-либо других, так как само по себе округление в данной ситуации носит совершенно безобидный характер.

Очень важная проблема — интерпретация цифрового материала. Прочитаем информацию, относящуюся к сельскому хозяйству Ленинградской области:

По оперативной информации Министерства сельского хозяйства РФ, за прошлую неделю июля средний надой молока от одной коровы в сутки составил в Ленобласти 19,3 килограмма.

В Ленобласти надой на одну фуражную корову составляет 7384 кг.

Средняя урожайность зерновых в Ленинградской области — 36 ц/га.

Курица мясной породы за 12 месяцев приносит порядка 100–150 штук яиц, в то время как яичные особи за аналогичный промежуток времени — от 200 до 230 штук яиц.

Знаете ли вы, какова урожайность зерновых в Ленобласти? Каковы надои молока на одну корову? Сколько яиц несет курица за год? Естественно, что большинство читателей также не знают этих цифр, а значит, не могут сделать вывод, то ли будет голод, то ли зерно можно продавать. Поэтому всегда нужно иметь в виду, что цифровой материал должен сопровождаться хотя бы минимальной интерпретацией:

Средняя урожайность зерновых в Ленинградской области — 36 ц/га — превышает средние показатели по стране и Северо-Западному федеральному округу, соответственно, на 8,5 и 9 ц/га.

Вице-губернатор Ленинградской области Сергей Яхнюк сообщил, что, по первым результатам, урожайность картофеля в областных хозяйствах превысила 300ц/га (при среднем показателе в РФ — 182 ц/га).

По оперативной информации Министерства сельского хозяйства РФ, за прошлую неделю июля средний надой молока от одной коровы в сутки составил в регионе 19,3 килограмма, что является вторым результатом среди субъектов Федерации и на 0,8 килограмма больше, чем за тот же период годом ранее.

В Ленобласти надой на одну фуражную корову составляет 7384 кг (по России — 5007 кг). Причем 27 сельхозпредприятий достигли продуктивности коров более 8 тыс. кг молока на 1 фуражную корову, 9 предприятий — более 9 тыс. кг.

Проблема интерпретации числовых данных становится особенно актуальной в материале, посвященном проблемам науки, техники. Но конкретному числу читателю не всегда удается представить, насколько велико или мало то, чему это число соответствует. Например, в год С, посвященный исследованию нашей звезды — Солнца, готовится соответствующая публикация. Автор пишет: *Исследователи считают, что температура поверхности Солнца составляет около 6000 градусов Цельсия.* Поскольку в повседневной жизни читатель не имеет дела с такой температурой, то эта цифра ему ни о чем не говорит. Тогда автор приводит сравнение: *Чтобы это было проще представить, вспомним, что температура добела раскаленного куска железа составляет примерно 1430 градусов.*

Автор газетного материала не обязан руководствоваться законами формальной логики при изложении научных проблем, равно как и опираться только на научные аргументы. В некоторых случаях для интерпретации данных используется образ. Образ не имеет однозначного истолкования, акцент смещается в сферу эмоций. В результате текст выглядит красивым и обладает большой воздействующей силой. Так, например, при истолковании понятия *бесконечность* или *вечность* многие авторы опираются на одну якобы индийскую легенду:

Далеко в горах лежит алмазный куб с гранью один километр. Один раз в тысячу лет на алмазный куб прилетает ворон и точит об алмазную грань свой клюв. Когда алмазный куб будет совсем источен воронами, пройдет лишь одно-единственное мгновение вечности.

СОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА

Графические сокращения образуются, если опускаются буквы или слоги. Отсечение конечной части слова обозначается точкой (*тысяч = тыс.*). Высекание срединной части слова обозначается дефисом (*производство = пр-во*). Если отсекаются конечные части слов словосочетания, то используется косая черта (*Ростов-на-Дону = Ростов н/Д*).

Инициальные аббревиатуры образуются из названий первых букв и/или звуков слов, входящих в исходное словосочетание. Различают три вида инициальных аббревиатур:

- **буквенные:** от каждого слова исходного словосочетания берется алфавитное название первой буквы (*Содружество Независимых Государств = СНГ*), читается как последовательность названий букв: *эс-эн-зэ*.
- **звуковые:** от каждого слова исходного словосочетания берется начальный звук (*Российское агентство правовой и судебной информации = РАПСИ*).
- **буквенно-звуковые:** от одних слов исходного словосочетания берутся алфавитные названия первой буквы, от других — на-

чальный звук (*Центральный спортивный клуб армии = ЦСКА*). Первые два элемента читаются как названия букв (*цэ-эс*), последние два элемента читаются как сочетание звуков (*ка*).

Сложносокращенные слова образуются от усеченных слов (всех или отдельных) исходного словосочетания (*коллективное хозяйство = колхоз; авиапромышленность = авиационная промышленность*).

Высекаемые слова образуются путем высеечения букв и/или слогов, кроме начальных и конечных, при этом оставшиеся элементы стягиваются в одно сокращенное слово. В газете из таких слов особенно часто используются сокращенные слова *млн* (*м[ил]л[ио]н*) и *млрд* (*м[ил]л[иард]*). После слов, образованных таким образом, точка не ставится.

В некоторых случаях при сокращении могут использоваться несколько способов одновременно.

Общие принципы использования сокращенных слов. Без ограничений, как обычные слова, рассчитанные на любую аудиторию, употребляются только широко распространенные аббревиатуры, значение которых известно практически всем: *вуз, ГЭС, МИД, МХАТ, НИИ, ООН, НАТО, ПВО, ЮНЕСКО*.

Специальные сокращения изначально предназначены для отраслевой литературы, рассчитанной на специалистов. Специальные сокращения понятны без расшифровки лишь подготовленному читателю. Такие сокращения родом из технических текстов, научных текстов, предназначенных для хранения информации, а не для живого общения автора с читателем.

Чем шире аудитория, на которую рассчитано издание, тем меньше там должно быть сокращенных слов. Поэтому в текстах художественной литературы аббревиатуры употребляются только в связи со специальными стилистическими заданиями. Наличие аббревиатуры в художественном тексте является одним из приемов изображения того мира, которому принадлежит аббревиатура.

Что касается печатного текста СМИ, то здесь сокращенные слова используются с учетом того, на какую аудиторию рассчитано издание. В деловом издании, очевидно, допустимо больше

сокращенных слов, чем в массовом общественно-политическом издании, рассчитанном на широкий круг читателей. В любом случае следует руководствоваться простым, но обязательным правилом: необходимо единообразное написание одного и того же слова в пределах одного текста и желательно одного издания. Так, если в редакции принято писать *млн*, а не *миллион*, то присутствие обоих вариантов будет выглядеть небрежностью.

Рассмотрим текст с точки зрения особенностей использования сокращенных слов.

Город планирует потратить **458 млрд рублей** (в этом году — **472 миллиарда**), а получить только **408 млрд рублей** (в этом году планировалось собрать **409 миллиардов**).

Из-за этого в равных пропорциях были сокращены аппетиты всех комитетов петербургской администрации. В общей сложности на сумму до **100 млрд рублей**. При этом сокращению не подверглись социальные статьи городских расходов, и на метро выделены все те же **22 миллиарда** рублей.

Дефицит казны в следующем году сократится до **50 млрд рублей** (против запланированных на этот год **63 миллиардов**), однако ухудшится его структура.

Собственно городской долг, на покрытие которого надо искать дополнительные источники финансирования, сейчас держится на уровне **18 млрд рублей**.

В следующем году все **50 миллиардов** придется искать на стороне, из внутренних источников, остатков средств эту сумму мы не покроем.

Но больше чем на **59 миллиардов** рублей дефицит бюджета не увеличится — упрется в жесткую норму, прописанную в законе.

Например, «Триколор-ТВ», который может дать дополнительно **1 миллиард** рублей. (Санкт-Петербургские ведомости. 2014. 8 окт.).

Мы видим, что в тексте бессистемно используются два варианта написания: *млрд* и *миллиард*. Такой текст, безусловно, требует правки.

Аббревиатуры, которые широкому читателю неизвестны, требуют более внимательного отношения. Прежде всего следует решить, целесообразно ли употреблять аббревиатуру в заголовке,

где невозможна ее расшифровка. В тексте расшифровку принято давать в скобках. Заголовки типа *GM оптимизирует производство, ЗТЛ готовится к рынку* вряд ли уместны в массовом общественно-политическом издании. Если издание позиционирует себя как деловое издание, то вполне может быть принято решение о широком использовании аббревиатур в заголовках. Однако при этом, чтобы не ставить читателя, который может не знать данную аббревиатуру, в затруднительное положение, вслед за использованной заголовке аббревиатурой целесообразно давать ее расшифровку. Рассмотрим несколько примеров из газеты «Коммерсантъ» (24.09.2014).

Заголовок: *ОНФ попросит президента поддержать достижения народного хозяйства*. В первом предложении лида дается расшифровка аббревиатуры: «Форум действий», который собирается провести движение «Народный фронт “За Россию”» (ОНФ) в ноябре, сосредоточится на теме патриотического «рыва» в экономике страны.

Заголовок: *КС собрался по долгу службы*. В первом предложении лида дается расшифровка аббревиатуры: *Вчера Конституционный суд (КС) РФ рассмотрел вопрос о соответствии основному закону положений законов «О воинской обязанности и воинской службе», «О государственной гражданской службе» и «О муниципальной службе»*.

Заголовок: *ФЗВ перешел в судебное наступление*. В первом предложении лида дается расшифровка аббревиатуры: *Фонд защиты вкладчиков (ФЗВ) инициировал первые судебные иски к украинским банкам, ранее работавшим в Крыму, пытаясь добиться от них возмещения понесенных затрат на выплату вкладчикам*.

Заголовок: *ГЭХ ищет миноритариев*. В первом предложении лида дается расшифровка аббревиатуры: «Газпром энергохолдинг» (ГЭХ) надеется провести в 2016 году IPO 5–10% акций.

Заголовок и подзаголовок: *ОСК вытесняют из Новороссийска / НМТП хочет забрать судоремонтный завод*. В нескольких предложениях лида дается расшифровка аббревиатур и, кроме того, вводится еще одна аббревиатура, причем тоже с расшиф-

ровкой: *Стратегия развития Новороссийского судоремонтного завода (НСРЗ) может измениться. Вместо создания ремонтной базы Черноморского флота, чего хотела Объединенная судостроительная корпорация (ОСК), порт могут перестроить в грузовой терминал. На этом настаивает основной акционер НСРЗ — Новороссийский морской торговый порт (НМТП), который планирует выкупить 30% акций у ОСК и попросил поддержки у Владимира Путина.*

Введение аббревиатуры внутри текста публикации в «Коммерсанте» всегда сопровождается расшифровкой, если в редакции считается, что аббревиатура относится к числу тех, которые известны широкому кругу читателей газеты: *Главное следственное управление (ГСУ) СКР по Санкт-Петербургу прекратило уголовное преследование гражданки Финляндии Элизабет Елены фон Мессинг, которая проходила обвиняемой по громкому уголовному делу об обнальной площадке, созданной внутри скандально известного банка ВЕФК.*

Следует обратить внимание на тот факт, что в деловом издании круг аббревиатур, которые считаются общеизвестными аудитории, намного шире, чем в массовом общественно-политическом издании. Так, в «Коммерсанте» без расшифровки даются аббревиатуры: СКР (Следственный комитет Российской Федерации), IPO (от англ. Initial Public Offering) — первая публичная продажа акций акционерного общества), ОФЗ (облигации федерального займа) и др.

В деловом издании допустимы окказиональные аббревиатуры, созданные только для одного текста: *По сведениям «Ъ», вчера в центральном штабе (ЦШ) движения ОНФ принято решение о корректировке проблематики... И далее аббревиатура ЦШ употребляется уже как обычное слово: Глава Общественной палаты, сопредседатель ЦШ Александр Бречалов считает, что...*

Работа с аббревиатурами требует большой аккуратности. Не следует употреблять аббревиатуру, если вы не знаете, что она обозначает. В одном деловом издании был опубликован материал, который имел следующую начальную часть:

Парламент усилил ЛСР

Ленобласть. Парламент региона возглавил Сергей Бебенин, выходец из ЛСР сенатора Андрея Молчанова. Это значительно усилит влияние бизнес-структуры во власти.

Вчера парламент определился с новым спикером. Им стал вице-спикер Сергей Бебенин, работавший в 2000-х годах в группе «ЛСР» сенатора Андрея Молчанова. Ранее еще один выходец из ЛСР, Георгий Богачев, стал вице-губернатором по строительству Ленобласти. <...>

Мы видим, что аббревиатура *ЛСР*, употребленная в заголовке как слово мужского рода, в тексте не расшифровывается, хотя к числу общеизвестных не относится. Неудачна, кроме того, грамматическая конструкция заголовка, построенная по модели *Мать любит дочь*. Кто кого любит? Кто кого усилил? Наведя справки, мы обнаруживаем следующее. Официальное название организации — «Группа ЛСР». ЛСР — это вторичная номинация. Название компании происходит от «ЛенСтройРеконструкция», из чего следует, что слово *ЛСР* следует употреблять как слово женского рода: *ЛСР* стала крупнейшим производителем кирпича в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Подобного рода небрежности при работе с текстом недопустимы.

Использование сокращенных слов текстах СМИ имеет и этическую сторону. Поскольку сокращенные слова родом из документа, где личностное начало принципиально отсутствует, то их использование неприемлемо в тех случаях, когда ситуация общения предполагает некую духовную составляющую. В противном случае пострадает высокий статус духовных ценностей. Особенно показательным в этом плане использование аббревиатуры *РПЦ*.

В основных документах Русской Православной Церкви данная аббревиатура не используется. В «Уставе Русской Православной Церкви» 2013 года аббревиатура *РПЦ* и вообще какие-либо другие аббревиатуры не присутствуют: «Русская Православная Церковь имеет иерархическую структуру управления. <...> Высшими органами церковной власти и управления являются Поместный Собор, Архиерейский Собор, Священный Синод во главе с Патриар-

хом Московским и всея Руси. При Патриархе Московском и всея Руси и Священном Синоде в качестве исполнительного органа действует Высший Церковный Совет».

Отсутствие аббревиатуры *РПЦ* в публичной письменной церковной практике легко объяснимо. Само произнесение или прочтение слов *Русская Православная Церковь* должно обращать человека к нравственным, этическим, духовным ценностям. Аббревиатура же *РПЦ* обращает человека к утилитарному миру документов, инструкций, наставлений, к суетному миру условных наименований и т.д. Поскольку речевая практика СМИ по своей природе обращена к человеку, речевая практика призвана воздействовать на сознание человека, то есть все основания утверждать, что использование аббревиатуры *РПЦ* в текстах СМИ неприемлемо.

С подобным суждением согласны и многие обычные граждане. Вот их мнение, которое они считают необходимым публично выразить на различных сайтах Интернета:

Я когда служил, у нас РПЦ — это радиопеленгаторный центр!

Друзья, аббревиатуры — это же своего рода мусор, который засоряет язык. В каких-то случаях они уместны, но только не в этом.

Точно так же в высшей степени бестактно использовать аббревиатуру *ВОВ*: не *участники ВОВ*, а *участники Великой Отечественной войны*.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА

Газетный материал часто представляет собой вторичный текст, который составляется автором на основе первоисточника. Первичным текстом могут являться различного рода документы. Прямое следование тексту документа приводит к тому, что в газетном материале оказывается большое количество специальной лексики, которая незнакома рядовому читателю.

Степень насыщенности текста специальной лексикой зависит от типа издания. Деловое издание может себе позволить опубликовать значительно более сложный текст, насыщенный специальной лексикой. Массовое общественно-политическое издание излагает содержание документа с использованием общеупотребительной лексики.

Рассмотрим, какие элементы документа-первоисточника унаследовал газетный текст:

Буквально на днях обрели необходимую силу изменения в российский закон о правовом положении трудовых мигрантов. Суть их в том, что работодатели получают право привлекать к труду на основании патента гастарбайтеров, прибывших в нашу страну без въездной визы. Одновременно в Налоговом кодексе РФ установлен новый **механизм расчета суммы фиксированного авансового платежа по подоходному налогу**: этот платеж **подлежит индексации** не только на **коэффициент-дефлятор**, но и на **коэффициент, учитывающий региональные особенности рынка труда**. Вот этот-то самый коэффициент и нужно было установить городским законом в срок до 1 декабря, с тем чтобы налог с трудовых мигрантов в полном объеме пошел в бюджет мегаполиса с 1 января 2015 года (Санкт-Петербургские ведомости. 2014. 27 нояб.).

В тексте встречаются выражения *фиксированный авансовый платеж, индексация платежа, коэффициент-дефлятор, коэффициент, учитывающий региональные особенности рынка труда*. Очевидно, что выделенные слова и конструкции списаны автором из документа об изменениях в законе о правовом положении трудовых мигрантов. Если учесть, что данная газета ориентируется на широкую массовую аудиторию, то в данном случае специальная лексика выглядит избыточной.

Вопросы и задания

1. Почему сочетание отглагольных существительных делает текст трудным для восприятия?
2. Какая длина словосочетания является оптимальной? Почему?

3. Почему в тексте появляются слова, которые считаются лишними, поскольку не несут никакой информации?

4. Почему причастный оборот предпочтительнее ставить не слева, а справа от главного слова?

5. Какие приемы подачи цифрового материал делают его восприятие более легким?

6. Какими правилами следует руководствоваться при работе с сокращенными словами?

7. Чем определяется степень использования специальной лексики в газетных материалах?

Средства выражения авторского «я»

Для того чтобы автор мог выразить в тексте свое личностное начало, свое авторское «я», в его распоряжении есть речевые средства, которые условно можно разделить на две группы:

- *Общепотребительные средства и приемы* позволяют выразить личностное начало в самом общем виде, не связанном с индивидуальными особенностями пишущего. В таком качестве может быть использован весь арсенал выразительных средств, который имеет в своем распоряжении любой человек, говорящий или пишущий на русском языке. Люди, профессионально работающие со словом, тем более должны владеть этими выразительными средствами

- *Речевые средства и приемы, придающие речи индивидуальный характер*, средства, которые обусловлены особенностями речевого поведения, присущи только конкретному автору и отличают его от остальных. С их помощью выявляется его индивидуальное авторское «я» и создается индивидуальный стиль. В данном разделе будут рассмотрены только общепотребительные средства выражения личностного начала.

Выразительные возможности грамматических и лексических средств русского языка описаны достаточно хорошо. Можно указать, например, на хорошо всем известную книгу Д. Э. Розенталя «Практическая стилистика русского языка» (1974), включающую

разделы «Лексическая стилистика» и «Грамматическая стилистика». Одна часть посвящена стилистическому использованию форм частей речи, другая — стилистическому синтаксису.

Большой и интересный материал сосредоточен в книге В. В. Виноградова «Русский язык: грамматическое учение о слове». Сам автор охарактеризовал свой труд так: книга «не является учебником, но она может быть пособием для учащихся филологических вузов, особенно для студентов, испытывающих тяготение к наблюдениям и размышлениям над живыми фактами русского языка» (Виноградов 1947, с. 2). Для тех, кто стремится стать профессионалом русской речи, книга В. В. Виноградова полезна в том плане, что в ней с удивительной глубиной отражена связь между фактами грамматики и фактами живой русской речи.

Не пересказывая содержания указанных изданий, обратим внимание на несколько концептуальных положений, которые позволили бы нам дать целостное и многоаспектное представление о выразительных возможностях русской речи в плане *идеологии* выразительности в текстах массовой информации.

Многие лингвисты, в частности Шарль Балли, обращали внимание на то, что естественный язык изначально, по своему происхождению и предназначению ориентирован прежде всего на выражение отношения, а не на обслуживание информационных потребностей. Поэтому все, что есть в языковой системе, так или иначе может быть использовано говорящим или пишущим для выражения своего личностного начала. Система языка изначально формировалась как система, предназначенная для выражения личностного начала. Факты, свидетельствующие об этом, лежат на поверхности. Обратим внимание на то, что всем хорошо известно.

Слово в русском языке имеет строение, оно каким-то образом устроено. Почему слово имеет строение? С какой целью мы к корню можем присоединить тот или иной суффикс? Есть слово *стол*, и есть слово *столик*. Кажется, что ответ прост: для того, чтобы образовать новое слово с новым значением. Слово *столик* обозначает стол меньшего размера, чем слово *стол*: «Столик... Уменьш. к стол... маленький стол» (Словарь 1984, т. 4, с. 272).

Представим, что некое новое слово необходимо в искусственном языке, например в том, который используется в математике. Выражение $x + y$ мы читаем как *икс плюс игрек*. Предположим, что нам нужно обозначить величину, меньшую, чем x , и величину, меньшую, чем y . Допустимо ли сказать *иксик плюс игречек*? Оставляя в стороне собственно математические проблемы, связанные со значением слов, обратим внимание на то, что данное выражение неприемлемо из-за личностного начала, которое в формальном языке недопустимо. Формальный язык вырабатывает свои приемы выражения, которые позволяют избежать внесения личностного компонента: $(x - \Delta x) + (y - \Delta y)$.

Итак, естественный язык по природе своей, своим онтологическим характеристикам предназначен для выражения личностного начала¹.

Несмотря на то что вся языковая система обладает способностью выразить личностное начало, в грамматической и лексической системах есть такие грамматические классы слов и конструкций, для которых выражение авторского отношения является основной задачей. И есть то, что для выражения авторского отношения использоваться может, но по природе предназначено для выполнения других функций. Рассмотрим те грамматические средства, для которых выражение авторского «я» является главной задачей.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ «Я» АВТОРА

Среди знаменательных частей речи только слова с местоименным значением и глагол онтологически ориентированы на выражение личностного начала.

Местоименные слова. Все тексты, сформированные с точки зрения того или иного лица, отличаются гораздо более частым

¹ Если говорить о теориях выражения субъективного начала, то укажем, например, на восходящее еще к Средним векам учение о модусе и диктуме, применительно к лингвистике известное нам в изложении Ш. Балли.

употреблением местоимений, чем тексты, ориентированные на изложение информации. Рассмотрим небольшой фрагмент из материала Ольги Божьевой «Война шестого поколения: как мы глушим чужие локаторы, спутники и компьютеры».

Россия удивляет

В марте **этого** года после крымских событий в США разразился скандал. Американские СМИ недоумевали: как Кремль одурачил не только аналитиков разведки США, но и военные спутники, следившие за Крымом? **Почему** спецслужбы прозевали появление «вежливых людей» на полуострове? Пентагон был вынужден признать: Россия существенно продвинулась в технологиях РЭБ, потому **ее** военные сумели «спрятаться» от американских систем слежения.

Только страсти по **этому** поводу улеглись — новый скандал. 10 апреля в Черное море вошел американский эсминец «Дональд Кук»: 130 тонн дорожщего кевлара, броня из высокопрочных сплавов, поглотители радиолокационного излучения... Плюс четыре антенны суперрадаров, до сотни «Томагавков», ракет ПВО и новейшая боевая информационно-управляющая система «Иджис».

На третий день пребывания к эсминцу подлетел российский фронтовой бомбардировщик Су-24 и совершил **его** облет (событие, в общем-то, рядовое — самолеты и корабли вероятных противников частенько сближаются в нейтральных водах).

По данным **самих** американских военных, Су-24 не представлял опасности, так как не был вооружен. На **его** брюхе висел лишь контейнер с комплексом РЭБ «Хибины». Летчик включил **его** и симитировал ракетную атаку на корабль.

О том, как **это** выглядело, в соцсетях позже написал **один** из моряков: «...**Мы** вели русского локатором до **его** подхода к зоне поражения, чтобы **затем** “накрыть”. Но, когда **он** вошел в **эту** чертову зону, началась мистика. **Первыми** погасли наши локаторы, **потом** выключилось целеуказание “Фаланксов”, и **весь** “Иджис” вышел из строя. **Наш** великолепный “Дональд Кук” качался на волнах, как дохлая черепаха. Оказывается, **этот** проклятый русский металлолом включил аппаратуру электронного подавления, и гордость **нашего** флота превратилась в **наш** позор! А русский стал откровенно глумиться над **нами**. **Он** провел на **нас** 12 учебных атак, ездил по **нашим** локаторам брюхом, глушил **нас** ревом двигателя и вообще показывал **нам**

всем, что на **таком** дерьмовом корыте может служить только **самая** дерьмовая команда...»

Представитель Пентагона полковник Стивен Уорен назвал маневры самолета «недопустимыми», так как **это** «деморализует личный состав корабля и негативно влияет на общий психологический климат военнослужащих». Более того, **он** признал, что 27 членов экипажа подали рапорт об отставке, так как не хотят подвергать **свои** жизни опасности.

В Москве на заявление Стивена Уорена не ответили. **Как потом** шутили СМИ, «российские военные просто не успели отреагировать: слишком долго хохотали над морально-боевой подготовкой американских моряков».

...США, похоже, еще не раз предстоит удивиться возможностям российской системы РЭБ, **которая** делает уверенные шаги по пути освоения перспективных технологий. **Совсем недавно** в России был запущен проект по разработке оборудования нового поколения на основе радиофотоники. **Такие** же исследования стартовали и в Штатах. Из **чего** можно сделать вывод: началось глобальное противостояние России и США за обладание технологиями будущего, в первую очередь в интересах РЭБ (Московский комсомолец. 2015. 2 янв.).

В данном тексте, написанном от третьего лица, имеется небольшой фрагмент — монолог американского моряка, опубликованный в социальных сетях. Сравним удельный вес слов с местоименным значением, обратив внимание сначала на авторский текст от третьего лица, а затем на монолог моряка от первого лица. В авторском монологе местоименное значение имеют 20 из 307 слов (6,6%) (выделены в тексте полужирным шрифтом), в монологе моряка — 21 из 103 (20,4 %). Слова с местоименным значением в монологе от первого лица употребляются в три раза чаще. Из сказанного можно сделать простой вывод. Чем больше в тексте слов с местоименным значением, тем более лично окрашенным выглядит текст. Чем меньше в тексте слов с местоименным значением, тем более официальным выглядит в текст. Если нам нужно сделать текст лично окрашенным, то мы должны сознательно использовать как можно больше слов с местоименным значением.

Исходный текст: *В магазине «Эврика» имеется большой выбор джинсовых курток.*

Преобразованный текст: *В нашем магазине «Эврика» вы всегда сможете купить любые джинсовые куртки любого размера.*

Среди слов с местоименным значением есть слово *я*, предназначенное для обозначения субъекта речи. Им может воспользоваться любой человек, который в данный момент является производителем речи, говорящим или пишущим. Это слово обозначает функцию субъекта в коммуникативном акте. В текстах от первого лица слово *я* широко используется как в именительном, так и в косвенных падежах. Однако важно отметить, что оно автоматически тянет за собой и местоимения других типов, потому что любое местоименное слово приобретает смысл только в том случае, когда известен тот субъект речи, с которым оно соотнесено.

Рассмотрим использование слов с местоименным значением в очерке Василия Пескова «Колесо жизни»:

В августовскую жару оказались мы с другом в центре Мещеры — близ Касимова. Горели леса. На дорогах то и дело попадались пожарные машины, бульдозеры, автомобили с озабоченными людьми. Леса наполнила си́нева дыма, глаза от него слезились, местами машины ехали с зажженными фарами. В какой-то низине задымленную лощину, как призрак, перебежал лось.

Мы стали искать, где бы надежней заночевать, и, углубившись по проселку с мощеной дороги в сосновый бор, услышали вдруг крик петуха. Это был знак жизни. И сразу мы увидели деревеньку, уютную, но маленькую и, как оказалось, оживающую только летом, когда наезжали дачники из Рязани. «Неужели из старожилов никого не осталось?» — «Да нет, живет кое-кто и зимой. Но хозяйство сохранилось только у дяди Коли. Вон его дом».

Дядя Коля спал после обеда и вышел к нам, щурясь от солнца и пригладив ладонью густую, как у молодого, шевелюру, побеленную восемью десятилетиями лет. «Ко мне...» — «Да, вот заехали, отчасти убегая от дыма, отчасти — из любопытства». — «Ну-ну, — сказал неопределенно старик, поглаживая рукой черного кобелька. — С пожарами, боюсь, не получилось бы, как в 72-м. Огонь у нас на Мещере всегда был бедствием. Недаром перед избами в деревнях кирпичные амбары ставили. В них добро сохранялось».

Говорил дядя Коля (Николай Гаврилович Ключев), слегка шепелявя. Он, понимая это, и со стариковской улыбкой, приоткрыв рот, показал один-единственный зуб. «Остальные колесо жизни съело». Сказано это было без огорчения, всему, мол, свое время. Присев на скамейку, слово за слово, узнали обычную по деревенским меркам жизнь тут, в мещерском бору.

Мальчиком дядя Коля был пастухом. «Скотину держали в каждом дворе. Пастух в деревне — не первое лицо. Но мне это дело нравилось... С каких лет себя помню? С пяти: пожар тогда был — страшно вспомнить. Все ж кругом деревянное, если и ветерком потянуло, то в амбарах только и можно было спасти барахлишко. А как пастушество... В нем много было приятного для меня. Лес для тех, кто его понимает, — царство небесное. Каждая травинка с травинкой в нем шепчется. По утрам роса блестит под ногами. И едва ли не каждый день видишь что-нибудь новое: глухарка под елью сидит и думает, что не вижу ее; зайчишка под носом у коровы зелень пощипывает; цветы разные появляются; затаившись, видишь, как птица гнездо мастерит. Однажды видел, как лось, смешавшись с коровами, на коленях, вытянув шею, грибы собирал. Мы мухоморов боимся, а лоси едят их жадно и, полагаю, с пользой для здоровья. День у пастуха длинный, но мне в лесу скучно никогда не было.

Но не почетным в деревне считалось пастушье дело, и родня настояла, чтобы я в ФЗУ учиться пошел. Я послушался и поехал в Москву. Учился прилежно. Выучился на сантехника: трубы, раковины, отхожие места в домах. Два месяца проработал в Москве, и вдруг потянуло назад в деревню, так потянуло, что снился мне лес с дорожками в сосняках, с муравейниками, с пенечками заветными, где сиживал. Бросил сантехнику и объявился тут, в Бучеве, и опять — в пастухи. Потом армия. Пошел охотно — интересно было новые места увидеть. И повезло очень — попал в пограничники. Ну, знаете, зеленая фуражка, лошадь послушная под седлом, винтовка, бинокль. Гляну, бывало, в стекла через границу — интересно, но сравниваю и с радостью думаю: у нас, у Оки, на Мещере лучше. А как свое отслужил — опять сюда, и опять в пастухи. Как мальчишка, радовался каждому дню. Двенадцать лет баб будил по утрам хлопаньем своего кнута.

А зимой пастух отдыхает. Домишко себе соизладил, сарай, сеновал, конюшню, курятник, амбар, колодец с соседом вырыли — вот оно все, что полагается иметь человеку в деревне. Но лес и зимой к себе звал. С ружьем я не баловался, любил наблюдать все живое. И как-то так получилось, переманили меня из

пастухов в лесники. Двадцать пять лет в этой должности опять топтал я лесные дорожки. Для кого-то лес — дрова и строительный материал, а для меня — радость жизни. Кажется, все живое в лесу меня понимало и принимало. Видел, как ловит ястреб тетерок, как филин слетает с гнезда, как сойка прячет орехи во мху, как лоси от комаров по уши залезают в воду».

«С волками приходилось встречаться?» — «А как же, много раз. Волк нахален, но человека боится...» На этом вечерняя беседа наша окончилась.

А утром мы снова встретились на скамейке. Во всей деревне только у дяди Коли сохранился хозяйский двор с живностью. Корова в нем, теленок, две лошади, две собаки, утки с утятами, генеральского вида петух с гаремом пестреньких кур. Кот Дымок, поглядывая на гостей, ревниво терся о хозяйскую ногу. «Они все его любят...» — вставляет слово в наш разговор жена Николая Гаврилыча.

Корову хозяйке доить уже тяжело. Выручает бывший пастух — ставит ведерко и, как заправский дояр, наполняет его молоком. «Летом две такие посудыны в день наполняем».

«А что лошади?» — «Лошади... Сейчас покажу». Николай Гаврилыч выводит из конюшни стройную, с лоснящимися боками кобылу Каштанку. Радуюсь свободе, лошадка залиvisto ржет — хочет, чтобы выпустили и подругу. Мальчишки дачников сбегаются поглядеть на лошадок. «Каштанка — донской породы. Такой резвости лошадь была разве что у Буденного, — по-мальчишески хвастается хозяин. — Конечно, нелегкое дело в мои-то годы заготовить на зиму сена двум лошадям и корове. Но пока что справляюсь. С лошадьми я кое-что подрабатывал раньше — кому огород вспахать, кому дров привезти. Но теперь это уже не под силу. Лошадей держу только из-за любви к этим друзьям деревенского человека. И они эту любовь понимают. Знали бы радость, когда Каштанка мордой тычет мне в щеку, благодарит за гостинец — подсоленный кусочек хлеба».

У двора Николая Гаврилыча стоят сани, телега и возле нее пара старых, давней работы колес. Хозяин этого снаряжения стал рассказывать, как раньше такие колеса гнули. Собака крутится рядом, демонстрируя приязнь Гаврилычу. «Принеси Джеку чего-нибудь на зуб», — просит зятя старик. Собака благодарно сует нос в плошку с едой, а «лесной человек», наблюдая за Джеком, вспоминает вдруг о волках.

«Волк первый раз себя показал, когда я был еще пастушком. Вечером пригоняю стадо в деревню — одного теленка в нем не хватает. Туда-сюда — нет

теленка! И только утром обнаружили его возле опушки километрах в трех от деревни. Половину добычи волки сожрали, остальное было уже облеплено зелеными мухами. И обнаружился человек из соседней деревни, видевший, как зверь, вцепившись зубами в ухо теленка, хвостом его подгонял — уводил от места, где паслось стадо.

Позже волков видел я не однажды. Запомнился случай: волк трусцой нес в зубах зайца, оравшего, как ребенок, — видно, хотел отец волчат поучить, как охотиться. По следам видел, как волки гнались за лосем. Этого великана они побаиваются, норовят на лед его выгнать.

Последний случай был в марте три года назад. И где? Вот тут, у дома. Вечером залаяли обе собаки. Хозяйка выбежала и шумит мне в избу: «Волк! Волк! Джека нашего поволок!» Ну, я выскочил не одетый, заорал что есть мочи, палкой по изгороди застучал. Волк бросил Джека и скрылся. Я оглядел пострадавшего — ни ран, ни царапин на нем не увидел, но смертельно волк его напугал. Потолковав о странном случае, успокоились. А через день утром сосед прибежал, рассказывает, что видел волка — рылся в отбросах у дома. Потом еще видели зверя два раза. Я стал догадываться, в чем дело. И тут опять сосед прибегает: «Волк залез под крыльцо!» Я схватил вилы и к тому месту. Сразу понял, что боя не будет — зверь лежал мертвый.

Это была волчица. Старая, со «съеденными» зубами. Охотиться уже не могла и прибилась к деревне — разжиться хоть чем-нибудь. У волка колесо жизни не очень большое — пятнадцать лет, и вот она, старость: бегать, как прежде, не может, и нечем жертву схватить. Этой волчице околеть суждено было под деревенским крыльцом. Она удалилась, как видно, от стаи, иначе ее бы свои сожрали — по волчьим законам это вполне возможное дело. Все живое на кругу жизни имеет конечную станцию».

«Кости мои чуют: погода должна измениться. И слава богу, это поможет пожары в лесах потушить», — сказал на прощанье старожил мещерского Бучнева (Комсомольская правда. 2007. 4 окт.).

Проанализируем изображение монологической речи главного героя очерка. Местоимение *я* употреблено 10 раз. Сему 'я — субъект речи' содержат также местоимения *мне* (употреблено 4 раза), *меня* (3 раза), *мои* (2 раза), *мы* (1 раз), *нас* (1 раз). Ту же сему содержат местоименное слово *тут* (3 раза), что означает

«там, где говорящий», а также неопределенные местоимения *кое-что* и *что-нибудь* (2 раза).

Слово *я* оказывает влияние и на формирование смысла неопределенных местоимений. Обратим внимание на использование в этом фрагменте слов *кое-что* и *что-нибудь*: *принеси Джеку чего-нибудь; с лошадьми я кое-что подрабатывал раньше*. Слова *кто-то* и *что-нибудь* относятся к разряду неопределенных местоимений. Использованное для обозначения лица слово *кто-то* обозначает неопределенность в квалификации названного лица, рожденную только в сознании субъекта речи, а не объективной неопределенностью. Номинации *кое-что* и *что-нибудь* наполняются смыслом только с точки зрения этого *я*, и без него этот смысл не существует.

Сема 'я — субъект речи' содержится также в личных формах глагола: *вижу, полагаю, гляну, покажу, держу, пригоняю* (6 словоформ). Эта же сема генерируется в условиях соответствующего контекста в глаголах прошедшего времени, которые сами по себе вне контекста не имеют значения лица: *видел, как* (3 раза), *учиться пошел, я послушался и поехал в Москву, учился прилежно, выучился на сантехника, проработал в Москве, бросил сантехнику и объявился тут, пошел охотно, попал в пограничники, топтал лесные дорожки, подрабатывал раньше, волков видел, выскочил неодетый, заорал что есть мочи, по изгороди застучал, оглядел пострадавшего, царапин не увидел, стал догадываться, сразу понял* (всего 23 раза).

В итоге получается, что сема 'я — субъект речи' выражена в монологе героя прямо или косвенно в общей сложности 55 раз. Различные типы местоименных слов, использование глагольных слов разнообразят способы выражения данной семы, приспособливая ее к самым разным смысловым ситуациям.

Сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что включение в структуру речи слова *я* влечет за собой неизбежное использование других слов, включающих в свой состав эту сему.

Все местоимения, употребляемые в данном тексте (*это, прочие, сколько, к нему* и др.), приобретают в сознании читателя смысл именно потому, что читатель знает, кто является *я*.

Значение слова *я*, как и значение любого другого слова, может быть актуализировано, например, с помощью анафорического повтора:

Ничего не мог сообразить, но уже отчетливая мысль бежала, хлестала полной в меня: «**Я** вышел к Енисею! **Я** вышел к Енисею! По Енисею идет паровоз!.. (В. Астафьев. Не хватает сердца).

Личностное начало в этом случае выражено с максимальной степенью четкости и сочетается с выражением эмоционального начала.

Изначальная предназначенность слова *я* для обозначения чистой идеи субъекта речи дает автору возможность играть со значением этого слова, наполняя его разными смыслами. Особенно часто происходит это в сфере художественной речи.

В.Ф. Ходасевич
ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Nel mezzo del cammin di nostra vita.

Я, я, я! Что за дикое слово!
Неужели вон тот — это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, —
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть, —
Это я, тот же самый, который

На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем — так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины — к причине,
А глядишь — заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, —

Только есть одиночество — в раме
Говорящего правду стекла.

Мы видим, что постепенно слово я все больше и больше увеличивает свою смысловую оболочку, функционально приближаясь к полноценному имени существительному с событийной семантикой.

Принципиально иначе в сфере выразительности работает глагол. Концепция выразительного потенциала глагола может быть сформулирована следующим образом: глагол, используя категориальные значения объективной модальности, времени, лица, способен интерпретировать одно и то же содержание по-разному по отношению к участникам коммуникативного акта.

Обратим вначале внимание на категорию времени.

Как известно, в чисто грамматическом плане «система форм времени строится на противопоставлении значений одновременности (формы настоящего времени), предшествования (формы прошедшего времени) или следования (формы будущего времени) по отношению к грамматической точке отсчета» (Русская грамматика 1980, т. 1, с. 628). Под последней понимают абстрактное грамматическое понятие, которое «отражает в обобщенном виде как момент речи, так и любой другой момент, по отношению к которому определяется время действия в речи» (там же).

Для стилистики, однако, представляет интерес не грамматическое значение временной формы в его абстрактном виде, вне реальной коммуникативной ситуации, а употребление временной формы глагола в конкретной ситуации общения с определенной целью. Выработавшиеся в речевой практике словесного художественного творчества способы использования временных форм дают автору широкие возможности в плане выражения своего личностного начала.

Обратим внимание на употребление видовременных глагольных форм в очерке В. Пескова:

Мальчиком дядя Коля был пастухом. «Скотину держали в каждом дворе. Пастух в деревне — не первое лицо. Но мне это дело нравилось... С каких лет себя помню? С пяти: пожар тогда был — страшно вспомнить. Все ж кругом деревянное, если и ветерком потянуло, то в амбарах только и можно было

спасти барахлишко. А как пастушество... В нем много было приятного для меня. Лес для тех, кто его понимает, — царство небесное. Каждая травинка с травинкой в нем шепчется. По утрам роса блестит под ногами. И едва ли не каждый день видишь что-нибудь новое: глухарка под елью сидит и думает, что не вижу ее; зайчишка под носом у коровы зелень пощипывает; цветы разные появляются; затаившись, видишь, как птица гнездо мастерит. Однажды видел, как лось, смешавшись с коровами, на коленях, вытянув шею, грибы собирал. Мы мухоморов боимся, а лоси едят их жадно и, полагаю, с пользой для здоровья. День у пастуха длинный, но мне в лесу скучно никогда не было.

В первом предложении *Мальчиком дядя Коля был пастухом* для нас важным является не то, что глагол употреблен в форме прошедшего времени, а то, каким образом он употреблен. Глагол *был* не означает в данном контексте простое предшествование моменту речи: раньше был, а сейчас нет. Глагол *был* придает предложению значение констатации факта из жизни героя. Этот глагол не встает в один ряд с глаголами в следующих далее предложениях.

Далее абзац в содержательном плане делится на две части. Основной объем абзаца занимает описание того, как жила деревня. Здесь используются глаголы несовершенного вида прошедшего времени: *скотину держали в каждом дворе; мне это дело нравилось; пожар тогда был; в амбарах только и можно было спасти барахлишко; в нем [пастушестве] много было приятного для меня; мне в лесу скучно никогда не было*. Этими глаголами обозначается ситуация, представляющая собой нечто типичное, обычное.

Когда дело доходит до описания леса, то глаголы несовершенного вида прошедшего времени сменяются глаголами настоящего времени. Настоящее среди прошедшего — это способ актуализации эпизода. Это крупный план после общих картин: *каждая травинка с травинкой шепчется; роса блестит под ногами; глухарка под елью сидит; зайчишка под носом у коровы зелень пощипывает; цветы разные появляются; птица гнездо мастерит*. С помощью форм настоящего времени автор как будто бы мысленно переносит себя в прошлое и глядит на совершающееся

событие так, как будто оно совершается непосредственно сейчас, на его глазах. «Настоящее историческое как живой и непосредственный прием актуализации прошедших событий (когда действия изображаются так, как будто они протекают перед глазами говорящего) характерно для устной речи в условиях непосредственного общения, соответственно для прямой речи персонажей» (там же). Однако ситуация единичного неповторяющегося действия передается опять с помощью глагола прошедшего времени несовершенного вида: *Однажды видел, как лось, смешавшись с коровами, на коленях, вытянув шею, грибы собирал.* Там, где появляется необходимость сообщить отвлеченные обобщенные сведения, там снова появляется форма настоящего времени, но уже не в значении настоящего изобразительного, а в значении настоящего постоянного действия. Действие представляется безотносительно к категории времени вообще, поскольку сообщаемое относится к миру знаний и не является изображением конкретного лося и конкретных грибов: *Мы мухоморов боимся, а лоси едят их жадно, и, полагаю, с пользой для здоровья.*

Подводя итоги анализа данного фрагмента, мы можем с полной уверенностью сделать вывод о том, что изменение значений временных форм глагола и способов их употребления совершенно однозначно связано с содержательным членением текста и обусловлено намерением автора именно таким, а не иным образом преподнести это содержание.

Очень активно вовлечена в сферу выражения авторского «я» категория лица, которая реализует свой речевой потенциал на уровне предложения, высказывания как категория уже синтаксическая. Продемонстрируем возможности использования этой категории на примерах из документальной повести Юрия Петровича Власова «Стечение сложных обстоятельств». В книге большой объем занимает изложение материала от первого лица, когда автор использует двусоставные предложения, где подлежащим является местоимение я:

Итак, я добился того, к чему стремился. Я преодолел болезни и вытащил себя из развала. Нет, я не исключаю каких-то неприятностей со стороны ор-

ганизма — слишком серьезный вред ему был нанесен. Но я не сомневаюсь, что справлюсь с ними.

Но автор иногда меняет очертания коммуникативной ситуации, и двусоставные предложения с я заменяются побудительными инфинитивными предложениями:

Итак, **очистить** организм от яда лекарств и **оздоравливать!** **Начать** с малого, но **укреплять** его, **укреплять!** **Отвоевывать** каждый шаг, каждый день без лекарств. Снижая дозы, **отказываться** от них, **отказываться** постепенно, но решительно. **Отказаться** в ближайшие месяц-полтора. День без лекарств и в движении — победа! **Не поддаваться** неудачам. Любые срывы, любые болезненные явления **рассматривать** как временные. Другого пути к выздоровлению нет!

Если в первом фрагменте содержание излагалось применительно к автору, то во втором фрагменте оно подается как императив. В этом случае объектом становится читатель, актуализируется воздействующий потенциал высказываний.

В некоторых случаях императив смягчается тем, что предложения со сказуемыми — глаголами в повелительном наклонении заменяются на односоставные безличные повествовательные предложения, в которых императив заменяется значением объективно существующей необходимости:

Цену слабости и разболтанности я уже познал. **Надо быть беспощадным к себе, иначе сложно восстановить сон**, иначе будут одна расхлябанность и напрасные тяготы.

В этом случае содержание излагается безотносительно к какому-либо лицу. Участники коммуникативного акта остаются в тени.

Проведем эксперимент и покажем, что существуют и другие возможности менять коммуникативную ориентацию ситуации, варьируя значение лица. Возьмем в качестве основы второй фрагмент и изложим содержание, примерив его на значение

лица, характерное для неопределенно-личных предложений. В этом случае действие мыслится как относящееся ко всем лицам без исключений, причем эти лица не определены и в коммуникативном плане все равны:

Итак, **очистили** организм от яда лекарств и **начали оздоравливать!** **Начали** с малого, но **укрепляли** его, **укрепляли**. **Отвоевывали** каждый шаг, каждый день без лекарств. Снижая дозы, **отказывались** от них, **отказывались** постепенно, но решительно.

Попробуем использовать то значение лица, которое представлено в обобщенно-личных предложениях. Действие мыслится как относящееся ко всем лицам, но особо выделяются два лица — автор и собеседник. Это значение представлено очень часто в поговорках типа *Тише едешь — дальше будешь*. Его формула: я + ты + все другие:

Итак, **очищаешь** организм от яда лекарств и начинаешь **оздоравливать!** **Начинаешь** с малого, но **укрепляешь** его, **укрепляешь**. **Отвоевываешь** каждый шаг, каждый день без лекарств. Снижая дозы, **отказываешься** от них, **отказываешься** постепенно, но решительно.

Можно использовать определенно-личные предложения, тогда изложение будет целиком и полностью ориентировано на автора, а отсутствие подлежащего сделает изложение более экспрессивным:

Итак, **очищаю** организм от яда лекарств и начинаю **оздоравливать!** **Начинаю** с малого, но **укрепляю** его, **укрепляю**. **Отвоевываю** каждый шаг, каждый день без лекарств. Снижая дозы, **отказываюсь** от них, **отказываюсь** постепенно, но решительно.

Все эти примеры говорят о том, что, меняя значение лица в предложениях, мы варьируем очертания коммуникативной ситуации, по-разному ориентируя ее на участников коммуникативного акта.

Если местоимение прямо или косвенно связано с обозначением субъекта речи, то глагол работает по-другому. С помощью глагола субъект речи меняет очертания коммуникативной ситуации, используя синтаксические значения времени и лица, и тем самым выражает свое авторское «я».

Кроме местоимения и глагола, в выражении авторского «я» активное участие принимают модальные частицы. Несмотря на свой малый объем, они самым существенным образом сказываются на очертаниях коммуникативной ситуации. Вот несколько небольших фрагментов из документальной повести В. Пескова «Таежный тупик»:

Больше недели мы кляли погоду, не пускавшую к нам вертолет. Теперь **же** мы благодарны были ненастью, толкнувшему нас в объятия Абакана

Тайга там не бедная! Много всего растет, много чего бегаёт, — сказал охотник. — Но **все же** это тайга.

Эта смесь, замешенная на воде, без дрожжей и какой-либо закваски, выпекается на сковородке и представляет собою толстый черного цвета блин. «Хлеб этот не то что есть, на него глядеть страшно, — сказал Ерофей. — Однако **же** ели. Едят **и** теперь — настоящего хлеба **ни** разу **даже** не ущипнули».

Но Лыковых эта напасть миновала. Они **даже** о ней не знают.

Тайга их не балует, но все, что крайне необходимо для поддержания жизни, кроме **разве что** соли, она им давала.

Служили калоши во всякое время года, хотя какая **уж** там обувка при толще снега в полтора метра!

Причем я заметил: мьтъя ладоней **даже и** не было, был **только** символ мьтъя, после чего Карп Осипович тер руки о портки чуть повыше колен

На самолет можно сесть **только** с разрешения начальника геологической партии...

Сообща решили: **пусть** коза поживет, **благо** сена заготовлено вдоволь.

Агафья не нашлась, что ответить, подтвердив **только**, что спички («серянки») **действительно** грешное дело.

Вахта **вроде не** кончилась, улетать некому...

Надо отметить, геологи отнеслись к Лыковым не **просто** внимательно, но в высшей степени бережно.

Если мы уберем из текста модальные частицы, то характеристика речи изменится весьма существенно. В русском языке существует достаточно много модальных частиц с самыми разнообразными значениями, выражающими отношение говорящего к сказанному, к ситуации, к собеседнику и т.д.

Несмотря на малый объем, частица может вносить в смысл предложения весьма существенный вклад. Сравним два варианта предложения:

*И **только уже** на гребне горы двое нас провожавших остановились.
И на гребне горы двое нас провожавших остановились.*

Наличие компонента *только уже* подчеркивает, что были существенные причины остановиться раньше.

Кроме того, следует учитывать и тот факт, что многие простые частицы многозначны и благодаря контексту и ситуации способны выражать довольно разнообразные значение. Обратим в связи с этим внимание на употребление частицы *вот*. Приведем несколько примеров:

- 1) На этот счет доложу вам **вот** что-с.
- 2) Веришь ли, всю дорогу, из Петербурга ехавши, я твердил себе: не все мне его кормить! Пообедаю когда-нибудь я и на его счет! **Вот** те и пообедал!
- 3) Ничего, кроме какого-то подлого сопения, которое раздается изо всех углов! **Вот** они! **вот** эти либералы, на которых мы возлагали столько надежд! (М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадуриши)

В первом примере частица *вот* имеет указательное значение, во втором — значение естественного следствия, в третьем — подчеркивает отрицательную оценку. Каждому значению соответствует своя интонация. Перечень контекстуальных значений частицы *вот* на этом далеко не исчерпан.

Итак, местоимение, глагол и модальные частицы — вот те части речи, которые по своей природе более чем какие-либо другие части речи ориентированы на выражение авторского «я».

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

Синтаксические ресурсов выразительности следует разделить на две группы:

- первичные синтаксические средства, которые по своей природе предназначены прежде всего для того, чтобы быть выразителями авторского «я»;
- синтаксические средства, работающие по принципу «фон — отклонение».

Первичные средства синтаксической выразительности. Прежде всего, нужно назвать те типы предложений, которые по своей природе предназначены для выражения субъективно-модального значения (отношение автора к содержанию высказывания): «К модальным значениям относятся также все те значения, в которых заключено отношение говорящего к тому, о чем он общается. Это — субъективно-модальные значения. Субъективная модальность, т.е. отношение говорящего к сообщаемому, присутствует не во всяком высказывании: говорящий может никак не выражать своего отношения к сообщению. Однако очень часто такое отношение присутствует; оно выражается самыми разнообразными языковыми средствами: интонацией, специальными синтаксическими конструкциями, словопорядком, повторением слов, сочетаниями знаменательных слов с частицами, с междометиями, вводными словами и сочетаниями слов (иногда их называют “модальными словами”), а также разнообразными комбинациями этих средств. Круг субъективно-модальных значений

очень широк, и сами эти значения, почти всегда экспрессивно окрашенные, не во всех случаях могут быть строго и однозначно определены» (Русская грамматика 1980, т. II, с. 215). Когда авторы академической грамматики говорят о том, что «субъективная модальность, т.е. отношение говорящего к сообщаемому, присутствует не во всяком высказывании», то имеется в виду, что не во всяком высказывании присутствует авторское отношение, выраженное эксплицитно.

Лицо говорящее, или пишущее, или, шире, субъект высказывания существует в каждом предложении и, шире, вообще в каждом высказывании, произнесенном или написанном. Присутствие говорящего по минимуму выражается в том, что существует презумпция истинности высказывания и уверенности говорящего в том, что он сообщает. Иначе общение было бы попросту невозможно. Когда мы читаем в газете «Коммерсантъ»: *Председатель правительства России Дмитрий Медведев обсудил с премьером Казахстана и главой правительства Армении торгово-экономическое сотрудничество между странами*, — то никто из читателей не задается вопросом, не обманула ли его газета и уверен ли автор в том, что он написал. Считается, что газета не обманывает, а автор всегда уверен в том, что он пишет. Специально в высказывании об этой уверенности и истинности не говорится, не принято специально подчеркивать это как нечто само собой разумеющееся.

Однако если отношение автора другое, то все другие отношения к содержанию высказывания отмечаются специальными средствами выражения субъективно-модальных значений. Значения эти чрезвычайно разнообразны: «Это — многообразные значения, заключающие в себе личное, субъективное отношение говорящего к содержанию сообщения: согласие или несогласие, принятие или непринятие (уверенное, категорическое или смягченное, ослабленное — всегда, как и в перечисленных ниже значениях, в сочетании с тем или иным эмоциональным отношением); положительную или отрицательную оценку (удовлетворение, предпочтение, одобрение или неодобрение, порицание, осуждение); разные виды волеизъявления (решение, призыв,

побуждение, предостережение, угроза); удивление, недоумение или непонимание; стремление уяснить или разъяснить что-л.; стремление выделить (акцентировать, подчеркнуть) что-л. в сообщении, усилить какую-то часть заключенной в нем информации, сосредоточить внимание на чем-л.; представление чего-л. как подлинного или неподлинного, соответствующего или несоответствующего действительности» (там же, с. 217).

К субъективно-модальным значениям относятся также «значения, совмещающие в себе выражение субъективного отношения к сообщаемому с такой его характеристикой, которая может считаться несубъективной, вытекающей из самого факта, события, из его качеств, свойств, из характера его протекания во времени или из его связей и отношений с другими фактами или событиями. Со стороны своих свойств, качеств сообщаемое может характеризоваться по полноте или неполноте выявления (значения интенсивности, полноты, высокой степени проявления или, напротив, слабости, неполноты выявления), по возможности, но невыявленности осуществления, по наличию или отсутствию ожидаемого результата; по единственности или неединственности, исключительности, преимущественности или неисклнучительности, непреимущественности; по обычности или необычности, соответствию или несоответствию требуемому, желаемому, ожидаемому; по своевременности или несвоевременности, целесообразности или нецелесообразности; по подготовленности или неподготовленности; по своей сложности или простоте, осложненности или неосложненности чем-л. С точки зрения протекания во времени, сообщаемое может характеризоваться по длительности, постоянству или недлительности, непостоянству, по регулярности или нерегулярности, эпизодичности, по прерванности или непрерывности. Со стороны соотносительности с другими событиями и фактами, со стороны своих связей и отношений сообщаемое может характеризоваться по причинно-следственной обусловленности чем-л., зависимости или независимости от чего-л., противопоставленности или сопоставленности с чем-л., по связи с предшествующим, по свободности или несвободности, затрудненности или незатрудненности осуществления» (там же, с. 216).

Субъективно-модальные значения тесно связаны с экспрессивной окраской сообщаемого, с его эмоциональной составляющей.

Назовем конструкции, специально предназначенные для выражения субъективно-модального значения.

Сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным выражают отношение автора (как от лица самого автора, так и от лица персонажа) наиболее ярко и очевидно.

В. Панюшкин

Утечка мозгов

До выборов осталась неделя, и вот я понял печальную вещь. Просто мне не хватает ума. У меня есть разные приятные качества. Я чувствительный, я гордый, но вот ума мне не хватает, и от этого еще труднее жить с чувствительностью и гордостью.

Мне искренне жаль, мне действительно по-настоящему жаль людей, погибших в терактах, **но я никак не могу придумать, что** с этим делать. **Я знаю, что** заполошные жесткие меры, принимаемые президентом, которого через неделю изберут уже раз и навсегда, неправильные. Но я не могу предложить ничего лучшего так, чтобы власть меня услышала. Зато и власть не может предложить ничего такого, чтобы убедить меня, будто ее людоедские методы верны.

Власть меня не слышит, я ей не мешаю. Но если бы власть услышала меня, то не стала бы мне верить, а просто бы сожрала. **Я знаю, что** услышанным стать нельзя, можно стать врагом, хоть и на это мне тоже не хватает ума. **Я думаю, что** если бы по городу шел ангел высотой до неба с огненным мечом, то к словам ангела прислушался бы я, если не прав, и прислушалась бы власть. Ангел рассудил бы нас, но ангел — это слишком дорогой проект.

Я знаю, что бритоголовые молодые люди, в ответ на теракты избивающие рыночных торговцев и убивающие таджикских девочек, не правы. Но я не могу им этого объяснить. **Я не могу объяснить нацистам, что** нацизм — это плохо. Мне не хватает ума. **Я верю, что** существуют нужные слова, способные остановить насилие, но я не могу придумать этих слов. Я представляю себе иногда развешанные по Москве плакаты, на которых бритоголовый русский молодой человек целовал бы девушку кавказской национальности, и она смотрела бы на него влюбленными глазами. Подобные плакаты я видел, их делал Оливеро Тоскани для кампании United colors of Benetton. **Я знаю, что** физиологически ничто не мешает русскому юноше и кавказской девушке влюбиться

друг в друга. **Я знаю, что** запрет на такую влюбленность придумали политики. Но **я не знаю, как** это объяснить скинхэду (Газета.ru. 2004. 4 марта).

Главная часть сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным выражает отношение к тому содержанию, которое представлено в придаточной части:

Я верю, что [существуют нужные слова, способные остановить насилие].

Содержание высказывания, несущее информацию о существующем мире, содержат слова, находящиеся в позиции придаточного предложения. Эта часть высказывания выделена квадратными скобками. Это вербальный эквивалент пропозиции, лежащей в основе высказывания. Отношение к этой пропозиции, внеязыковому содержанию высказывания, выражено в главной части сложноподчиненного предложения, главную роль здесь играет глагол, который выражает отношение автора к тому, что сказано в придаточной части, к пропозиции. Такие глаголы называются глаголами пропозиционального отношения. В данном случае автор говорит о том, что содержание пропозиции (*существуют нужные слова, способные остановить насилие*) является тем, во что он *верит*. Благодаря такому построению высказывания отношение автора выражено максимально четко и открыто.

Я знаю, что физиологически ничто не мешает русскому юноше и кавказской девушке влюбиться друг в друга. **Я знаю, что** запрет на такую влюбленность придумали политики. Но **я не знаю, как** это объяснить скинхэду.

Уберем из этого фрагмента все эксплицитные средства выражения субъективной модальности, выраженные с помощью сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным:

Физиологически ничто не мешает русскому юноше и кавказской девушке влюбиться друг в друга. Запрет на такую влюбленность придумали политики. Но как это объяснить скинхэду?

Содержание полностью сохраняется, но отношение автора, выраженное в первом случае словами, теперь оказывается скрытым в подтексте. Выражение авторского отношения подчеркивается также использованием специальных риторических приемов — синтаксического параллелизма и анафорического повтора. В колумнистике и вообще в комментарии, нацеленных на открытое, подчеркнутое выражение авторского отношения, сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным используются достаточно часто.

Вводные слова и конструкции также могут обозначать субъективно-модальные значения, отношение автора к содержанию высказывания. Их значения чрезвычайно разнообразны и соответствуют в основном указанным выше типам субъективно-модальных значений в «Русской грамматике». Основные группы вводных слов и выражений по значению структурируются именно по типам субъективно-модальных значений. Так, Д. Э. Розенталь выделяет следующие группы вводных слов:

- вводные слова, выражающие чувства говорящего (радость, сожаление, удивление и т.п.) в связи с сообщением;
- вводные слова, выражающие оценку говорящим степени достоверности сообщаемого (уверенность, предположение, возможность, неуверенность и т.п.);
- вводные слова, указывающие на связь мыслей, последовательность изложения;
- вводные слова, указывающие на приемы и способы оформления мыслей;
- вводные слова, указывающие на источник сообщения;
- вводные слова, представляющие собой призыв к собеседнику или к читателю с целью привлечь его внимание к сообщаемому, внушить определенное отношение к излагаемым мыслям, к приводимым фактам и т.д.;
- вводные слова, указывающие оценку меры того, о чем говорится, показывающие степень обычности сообщаемого, выражающие экспрессивность высказывания (Розенталь 2012, с. 129–130).

Авторы «Правил русской орфографии и пунктуации» выделяют похожие группы вводных слов, а используемые ими другие вторичные номинации лишь подчеркивают разнообразие выражаемых ими субъективно-модальных значений. Вводные слова и сочетания слов:

- указывают на степень достоверности сообщения, факта;
- указывают на степень обычности того, о чем говорится;
- выражают эмоциональную оценку того, о чем сообщается;
- заключают в себе указание на источник сообщения;
- характеризуют способ выражения мысли;
- указывают на экспрессивный характер высказывания;
- указывают на отношения между частями высказывания;
- призывают к вниманию;
- выражают ограничение или уточнение высказывания (Правила 2006, с. 261–263).

Необходимо подчеркнуть, что независимо от группы, к которой принадлежит вводное слово, оно всегда представляет собой способ проявления автора, его личностного начала в тексте. Обратим внимание на следующий пример из комментария М. Соколова:

Распространяющий тревожные сообщения не погибает в общем мнении, ибо его задача — не сообщить истину, а бдительно просигнализировать — дьявольская разница. **Напротив**, сообщающий, что все более или менее остается, как прежде — полки в магазине в прежнем состоянии наполненности, только вонючего сыра нет — так его давно уж нет, а банкомат по-прежнему дает деньги (если они есть на счете), — рискует в общем мнении погибнуть, и поделом. **Во-первых**, зачем он вообще вылезит с такими сообщениями — не иначе, как они проплачены. **Во-вторых**, как он может говорить за весь город, тем более за всю страну и за всю банкоматную сеть. **Может быть**, его спальный район — это такой остров счастливых, а он необоснованно генерализирует и в явно пропагандных целях говорит, что и вообще не все так ужасно. За это справедливо подвергнуть его суровой каре либерального закона и всеобщей ненависти и презрению трудящихся. Можно, **однако**, утешаться тем, что в счастливом советском прошлом бывали и более драматические случаи потребительского ажиотажа. **Помню**, я был

глуп и мал, слышал от родителей, как экстазовали трудящиеся (самое обидное — что перебдели и зря экстазовали) перед хрущевской деноминацией 1961 г. (ExpertOnline. 2014. 12 дек.).

Формально слова *напротив, во-первых, во-вторых*, однако подчеркивают порядок изложения мысли. В данном контексте предложения со словами *во-первых* и *во-вторых* небольшого объема и стоят рядом, так что подчеркивать последовательность изложения мысли незачем. Попробуем убрать эти слова и сравним два варианта:

Во-первых, зачем он вообще вылезит с такими сообщениями — не иначе, как они проплачены. Во-вторых, как он может говорить за весь город, тем более за всю страну и за всю банкоматную сеть.

И второй вариант:

Зачем он вообще вылезит с такими сообщениями — не иначе, как они проплачены. Как он может говорить за весь город, тем более за всю страну и за всю банкоматную сеть.

Во втором варианте сила выражения «я» автора заметно меньше. Вводные слова, независимо от значения, акцентируют авторскую мысль, выявляя, подчеркивая нюансы того или иного смысла.

В приводимом ниже, на с. 74, комментарии В. Панюшкина «Мертвый молчит» пять абзацев начинаются с вводных слов *во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых, в-пятых*. Очевидно, что их задача состоит не в указании номера абзаца. Перед нами прием градации, усиления смысла каждого нового задаваемого вопроса. Чем больше абзацев, тем больше вопросов, тем сильнее позиция журналиста. К этим вводным словам в системе градуирования органично встраивается слово *еще*, заканчивающее данный ряд.

Вопросительные предложения. К выразительным средствам общего назначения следует отнести также вопросительные предложения. Причем следует учесть, что выражению авторского «я» служат вопросительные предложения любого типа. В силу сво-

ей природы «вопросительные предложения в своей первичной функции заключают в себе поиск сообщения: говорящий информирует о том, что он хочет получить информацию от другого (других)» (Русская грамматика 1980, т. II, с. 88). Поскольку говорящий требует от другого речевой активности, постольку он сам неизбежно проявляет свое активное начало.

Следует иметь в виду также, что благодаря вторичным функциям вопросительные предложения приобретают еще больший воздействующий потенциал: «В своих вторичных функциях вопросительные предложения ориентированы не на получение ответа, а на передачу позитивной информации, всегда экспрессивно окрашенной. Это следующие случаи 1) Вопрос, в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное утверждение. При этом может акцентироваться категоричность утверждения, неопровержимость наличия чего-н., возможность или целесообразность, обычность, закономерность чего-л. ... 2) Вопрос, в котором заключено уверенное экспрессивно окрашенное отрицание (так наз. риторический вопрос). При этом может акцентироваться категоричность отрицания, невозможность, ненужность или нецелесообразность, а также всеобщность и безусловность отрицаемой ситуации... 3) Вопрос-уяснение, повторяющий словесный состав предшествующей реплики и обычно осложненный эмоциональной окраской удивления, недоумения, беспокойства, неодобрения... 4) Вопрос — побуждение к чему-л. ... 5) Вопрос, выражающий эмоциональную реакцию говорящего: эмоциональную констатацию факта, оценку, отношение, аффективное состояние... 6) Вопрос, имеющий целью активизировать внимание, заинтересовать, обратить внимание на форму выражения мысли...» (там же, с. 395–396).

Рассмотрим выразительные возможности вопросительных предложений в тексте. Возьмем в качестве примера еще одну колонку В. Панюшкина:

Мертвый молчит

Мне жаль, что Шамиль Басаев убит. И это не потому, что я не желал ему смерти. Я последовательный противник смертной казни, но Шамиль Басаев

был одним из немногих людей на земле, которым я желал смерти много раз вопреки своим гуманистическим убеждениям. Я просто ничего не мог поделать с этим своим желанием. Уж как минимум в Буденновске, когда никаких сомнений не было, что больницу захватил действительно Шамиль Басаев. Это было сильнее меня. Каким бы последовательным противником смертной казни я ни был, я желал ему смерти.

А теперь он мертв, и я не испытал облегчения. И я знаю почему. Потому что мне не надо видеть голову Шамиля Басаева привезенной в Москву. Мне не надо видеть его голову ни идентифицированной судмедэкспертами, ни наткнутой на кол посреди Красной площади. Мне надо, чтобы Шамиль Басаев говорил в суде. У меня очень много к нему вопросов, и вопросы эти, естественно, возникали бы в ходе судебного разбирательства. Даже прокурор Шепель, у которого огнеметы ничего не поджигают, хотел бы я посмотреть, как не задал бы подсудимому Басаеву следующих вопросов.

Во-первых, надо было бы спросить у подсудимого Басаева, *как ему удалось освободиться из тюрьмы в начале девяностых, когда, угнав самолет в Турцию, он был передан турецкими властями российским властям. Он что, сбежал из подвалов Лубянки?*

Во-вторых, я хотел бы знать про Буденновск. **Как выбрал Шамиль Басаев этот ни в чем не повинный город? Или город виноват был в том, что расположен на Ставрополье? А зачем было именно тогда захватывать больницу именно на Ставрополье? А как проник Шамиль Басаев в Буденновск и почему его не остановили по пути ни милиционеры, ни войска, ни казаки?**

В-третьих, я хотел бы знать про дома в Москве. Я хотел бы видеть, как прокурор предъявляет Шамилю Басаеву обвинение во взрыве московских домов, и, главное, я хотел бы видеть, *как Шамиль Басаев защищается и какие аргументы приводят его адвокаты.* Мне почему-то кажется, что в подобного рода открытом соревновательном процессе мы очень много узнали бы о том, *за что на самом деле погибли мирно спавшие москвичи.*

В-четвертых, я хотел бы знать, *почему Шамиль Басаев так вовремя напал на Дагестан.* **Как он выбирал момент для нападения? Почему Шамиль Басаев напал, а в ответ на его нападение низкорейтинговый премьер-министр начал войну, которая принесла ему президентский рейтинг?**

В-пятых, я хотел бы знать, *как именно Шамиль Басаев выходил из окружений.* Пусть бы подсудимый Басаев рассказал хотя бы, *как ушел из Грозного в*

то самое время, когда путинские генералы утверждали, будто Грозный блокирован и Шамиль Басаев в Грозном окружен тройным кольцом.

Еще я хотел бы знать, откуда Шамиль Басаев получал деньги и оружие. Я хотел бы знать, что это было за оружие и что это были за деньги.

Вот почему мне жаль, что Шамиль Басаев убит. Даже дело немотного Кулаева, даже в исполнении российского следствия, российского обвинения, российской защиты и российского суда, серьезно попортило победные реляции, которые чуть было не заменили нам полностью правду о захвате бесланской школы. А Шамиль Басаев не был немотен. Он мог бы говорить. Мне было бы противно, как всякому нормальному человеку противно было слушать Кулаева. Я желал бы подсудимому смерти вопреки своим гуманистическим принципам, просто повинуюсь инстинкту сохранения рода. Но самые омерзительные его слова и самые чудовищные факты в его устах больше давали бы сохранению моего рода, чем его оторванная взрывом голова.

Он мертв и ничего не скажет. Остается утешать себя тем, что современное российское правосудие так устроено, что превратило бы процесс над Шамилем Басаевым в фарс, а современное российское телевидение так устроено, что сделало бы этот фарс пропагандистским. Возможно. Но тогда я бы оскорблял суд публично, пока меня не признали бы экстремистом по новому закону об экстремизме. А теперь не могу же я предъявлять претензии за сокрытие правды взорвавшемуся «КамАЗу». **Или могу?** (Газета.ru. 2006. 13 июля).

Во-первых, мы видим, что вопросительное предложение является конституирующей единицей текста. В тексте семь предложений, оформленных с помощью вопросительного знака и являющихся вопросительными (выделены полужирным шрифтом). Кроме того, в тексте есть девять косвенных вопросов, которые грамматически не являются вопросительными, но для читателя они являются вопросами, которые журналист все-таки поставил (выделены курсивом). Вся центральная часть текста, составляющая основание для рассуждения автора, сформирована на основе вопросительных конструкций. Итак, вопросительное предложение может стать единицей, конституирующей грамматико-стилистическую основу текста.

Во-вторых, необходимо обратить внимание на то, что воздействующая сила вопросительного предложения, проявляющаяся

как степень активности автора, резко увеличивается, когда несколько вопросительных предложений идут друг за другом, как, например, в четвертом абзаце, который состоит практически из одних вопросительных предложений: одно короткое повествовательное и четыре развернутых вопросительных.

В-третьих, воздействующая сила вопросительных предложений увеличивается, когда они стоят в сильных позициях текста: заголовок, начало текста, конец текста, начало или конец абзаца. В данном случае вопросительное предложение заканчивает текст: *А теперь не могу же я предъявлять претензии за сокрытие правды взорвавшемуся «КамАЗу». Или могу?* Вопросительное предложение состоит из одного знаменательного слова и на фоне предыдущих развернутых предложений выглядит как ритмическая точка. Смысловый вес этого слова чрезвычайно велик. Смысл предложения формируется на основе всего предшествующего текста комментария и выглядит как один из вариантов, так: могу ли я предъявить претензии тому, кто, возможно, сознательно не хотел брать Басаева живым?

Восклицательные предложения, казалось бы, являются самым простым средством выражения авторского «я» среди синтаксических средств, поскольку являются эмоционально окрашенными, обладают повышенной экспрессивностью, но именно это и создает затруднения при их использовании. Текст, насыщенный восклицательными предложениями, напоминает набор заклинаний и вызывает у читателя вполне закономерное раздражение. А. Аграновский говорил, что в советское время в наборных кассах типографий после иных громких статей не оставалось восклицательных знаков. Их лимит был исчерпан. И говорил, что ему лично больше по душе скромный вопросительный знак. Он в традициях русской интеллигенции: «Кто виноват?», «Что делать?».

Появление в тексте восклицательного предложения нужно готовить, чтобы это появление было естественным.

Рассмотрим пример из колонки В. Панюшкина «Капитал матери»:

А предположим, что сам ребенок тяжело заболел. С лекарствами от рака крови, например, который излечивается в восьмидесяти процентах случаев, у нас в России перебои. И что же? Мать не может потратить выданные ей государством десять тысяч долларов на то, чтобы спасти своего ребенка от смерти?

Дорогое правительство, мертвым детям не нужно образование! (Газета.ru. 2006. 12 окт.)

Мы видим, что предложение по своему содержанию таково, что у любого нормального человека возникает ощущение нелепости жизненной ситуации и ее трагических последствий. Восклицательный знак лишь оформляет то, что выражено помимо него. Только такое использование восклицательных предложений делает их средством выражения авторского «я». Формально же поставленный восклицательный знак бесполезен, так как сам по себе не произведет впечатления на читателя.

Побудительное предложение представляет собой выражение волеизъявления говорящего, в виде побудительного предложения оформляются приказ, просьба, требование, призыв, приглашение к совместному действию и т.д. Чаще всего значение волеизъявления передается с помощью глагола повелительного наклонения. Так выглядит рекламный текст *Купи автомобиль с причала!*. Такие тексты крайне однообразны и давно скомпрометировали себя. Как анекдот вспоминают советскую рекламу *Храните деньги в сберегательной кассе!*; *Летайте самолетами Аэрофлота!*. Органичными и естественными эти побудительные предложения смотрятся там, где изложение ведется от второго лица:

Вот предисловие А. Аграновского к книге «Признание в любви»:

Как создается имя летчика? Работой. Тут ничто не поможет тебе выдвинуться в первые ряды. Только работа — *твоя* работа в воздухе, в небе. Ну, допустим, *ты* добился своего: *тебе* помогли, *тебе* поверили, *тебе* дали машину — новую, редкостную... Что ж, пожалуйста, **садись, лети**. Сумеешь оседлать ее — *тебя* заметят, и ты, как мечтал, станешь знаменитостью. Только учти: полет небезопасен. Новую машину изучали в лабораториях, «продували» в аэродинамических трубах, но как она поведет себя в воздухе, никто не

знает. Если б знали, к чему тогда испытания? Может, она не будет слушаться рулей, может, на предельной скорости у нее отвалится крыло, может, случится в небе пожар. Да мало ли что может быть: *ты* ведь первый... **Садись, лети.**

Знай: тут ты не сможешь притвориться. Это в тылу фанфарон сойдет парой за смельчака, наглец — за героя. На передовой все становится на свое место: смелый там смел, трус труслив. Так вот на испытательном аэродроме всегда война: и вчера, и сегодня, и завтра. Если *ты* действительно смел, **иди:** машина ждет *тебя*.

Один полетишь. Один на виду у всех. И оценена будет не общая работа, в которой не видать, кем что вложено, а *твоя* работа, и только *твоя*... Ты еще веришь в себя? **Садись, лети.** Но если плохо полетишь, *тебя* сразу уберут с аэродрома. Во имя *твоей* же драгоценной жизни турнут отсюда!

А если хорошо полетишь... **Учти:** тут мало быть смелым однажды. Собрать все силы в минуту опасности, задавить в себе на мгновение страх — на это способны, пожалуй, многие. Здесь труднее. Если *ты* хорошо полетишь, *тебя* признают. И окажут доверие: дадут испытывать новую машину. Еще более сложную.

Достанет у *тебя* сил на эту каждодневную войну с капризами машин, с небом, с самим собой — изволь. И если хорошо будешь работать, спасибо скажут тем, кто помог *тебе*: они не зря старались, стране нужны испытатели. Если *ты* мечтал о больших заработках — что ж, своим трудом *ты* заслужишь их, труд испытателя оплачивается высоко. Но жадность будет убита в *тебе* этой работой — она не из тех, за которые можно взяться во имя житейских благ. Желание славы привело *тебя* сюда?.. Тут надобно прежде всего договориться, что есть слава. Если *ты* мечтал, чтоб *тебя* узнавали на улицах и девицы ждали *тебя* у подъезда с мокрыми букетиками цветов, так этого не будет. Тогда уж надо стать лирическим тенором или, еще того лучше, актером кино — вот кому проходу не дают на улице. А известны ли *тебе* имена лучших наших летчиков-испытателей?.. Нет, тут шумной славы не выйдет. Впрочем, если *ты* тщеславец, **бахвалься** на здоровье! Только это уже не будет хвастовство: говорить о настоящих, взаправду пережитых опасностях — это не значит хвастать. Да и захочется ли *тебе* тешить своим сокровенным чье-то ленивое любопытство? А друзья и без *твоих* рассказов будут все знать: они всегда рядом с *тобой*.

Итак, **собирай** в кулак все лучшее, что в *тебе* есть — волю, выдержку, хладнокровие, смелость, преданность Отчизне, — и **иди.** *Твое* будущее в твоих руках — **работай.** На этом пути *ты* заслужишь уважение товарищей, благодарность народа и скромное имя летчика-испытателя.

Изложение материала ведется в виде прямого разговора с читателем. Автор обращается к нему на *ты*: *Ну, допустим, ты добился своего*. Всего 31 местоименное слово. Сема 'ты' присутствует и в предложениях типа *Но если плохо полетишь...* Эти предложения имеют двойной грамматический статус. С одной стороны, они могут быть квалифицированы как определенно-личные предложения, поскольку рядом с ними в тексте есть местоимения *ты*. С другой стороны, они чередуются с неопределенно-личными предложениями (*тебя сразу уберут с аэродрома*), в результате определенно-личные предложения приобретают семантику предложений обобщенно-личных. Дело в том, что неопределенно-личное предложение уравнивает все лица, к которым относится действие, не выделяя ни одно лицо. Формула смысла этого предложения: все другие, сколько бы их ни было, равны между собой. В семантике обобщенно-личных предложений также присутствует эта идея уравнивания лиц, но в семантической структуре говорящий и собеседник имеют особые права, а все остальные равны. Формула смысла обобщенно-личного предложения: я + ты + все другие.

Вот в такой семантико-грамматической атмосфере, где доминирует семантика *ты*, побудительные предложения с главным членом — глаголом в форме повелительного наклонения смотрятся как нечто естественное и органичное.

Последний пример показывает нам, что та или иная грамматическая категория начинает работать в тексте не тогда, когда она просто появилась там, а когда создаются соответствующие условия для реализации ее функционального потенциала.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ, РАБОТАЮЩИЕ ПО ПРИНЦИПУ «ФОН — ОТКЛОНЕНИЕ»

Чрезвычайно важную роль в сфере синтаксической выразительности играют конструкции, которые генерируют разговорную интонацию в книжной авторской речи. Именно разговорная интонация на фоне книжного текста воспринимается как звуча-

ние индивидуального авторского голоса. В этом случае работает принцип «фон — отклонение». Фон — книжная речь. Отклонения — конструкции, характерные для разговорной речи.

Как выглядит в синтаксисе триада «разговорное — нейтральное — книжное»? Лексика в стилистическом аспекте дана нам в ее непосредственном восприятии. Мы сразу можем сказать, что слово *лик* — книжное (устаревшее и традиционно-поэтическое), *лицо* — нейтральное, *роза* — разговорное или просторечное. С синтаксической конструкцией такой очевидности нет, так как на стилистическое восприятие высказывания решающее воздействие оказывает лексика, подчас затеняя собственно стилистико-синтаксические качества высказывания.

Сравним два высказывания:

Оператор ограничен в гильбертовом пространстве.

Собака заперта в садовом домике.

Первое высказывание нами воспринимается как принадлежащее научной речи, второе — разговорной. Между тем синтаксические конструкции однотипны. Это значит, что стилистические качества фразы мы оцениваем преимущественно на основании ее лексического наполнения. Можно ли найти выход из этого трудного положения? Как оценить стилистические качества именно конструкции безотносительно к ее лексическому наполнению?

Исследователями было предложено следующее решение: «Первичную классификационную основу парадигматического синтаксиса, как и других отраслей лингвистики субъязыков, составляет различие нейтрального и специфического, стилистически значимого. За нейтральную следует принять структуру предложения, достоверно свойственную всем субъязыкам. Такой структурой, очевидно, можно считать элементарную двусоставную (подлежащно-сказуемую) модель, т. е. модель, не содержащую избыточных элементов и не являющуюся структурно неполной, — конструкцию предложения с нормальным, обычным для данного языка порядком следования компонентов, исполняющую обычную для данной структуры (не переосмысленную) синтакси-

ческую функцию. Отклонения от перечисленных условий рассматриваются как стилистически значимые» (Скребнев 1975, с. 109).

Считается, что разговорность связана с тремя типами конструкций, которые распространены преимущественно в разговорной речи. Это предложения неполные, нераспространенные и малораспространенные (или, попросту говоря, короткие) и односоставные. Ощущение книжности формируется на фоне предложений сложных, значительно распространенных, с различного рода осложнениями. Если разговорные конструкции находятся в книжной среде, то именно они генерируют в тексте разговорную интонацию. Причем неважно, предстают ли эти конструкции в виде самостоятельных предложений или они являются частями сложных предложений. Внесенная ими в текст интонация и воспринимается как звучание живого индивидуального голоса. Решая прикладную задачу, мы опишем, что собой представляет нейтральная синтаксическая конструкция. Все, что больше этой нейтральной конструкции, можно истолковать как принадлежащее книжной сфере. Все, что меньше этой конструкции, можно истолковать как принадлежащее сфере разговорности (см. таблицу).

Синтаксическая конструкция		
разговорная	нейтральная	книжная
Простое предложение: <ul style="list-style-type: none"> • неполное; • односоставное; • короткое (малораспространенное и нераспространенное). 	Простое предложение: <ul style="list-style-type: none"> • полное, • двусоставное; • неосложненное; • средней степени распространенности. 	Сложное предложение. Простое предложение: <ul style="list-style-type: none"> • осложненное обособленными оборотами, рядами однородных, членов, вводными и вставными конструкциями; • значительно распространенное.

Рассмотрим с этой точки зрения один из комментариев Максима Соколова:

Неудавшийся соблазн

Новое художественное мероприятие, расширяющее границы, закончилось не начавшись. Творческая группа «Свечение» намеревалась сделать красочный подарок москвичам, установив на крыше высотного многофункционального комплекса «IQ-квартал», возводимого компанией «Галс-Девелопмент» в ММДЦ «Москва-Сити», черный зрачок, окруженный языками пламени, изображающий око Саурана из книги Д. Толкина «Властелин колец». Многофункциональный комплекс, таким образом, стал бы Барад-Дуром, замком Саурана, а окружающая «Барад-Дур квартал» столица нашей родины Москва — land of Mordor, where the shadows lie. *Для полного сходства не хватало бы только огненной горы Ородруина.*

Перформанс чи инсталляция получился бы самым выдающимся, но вмешались черныясыцев стада. Выражая мнение черныясыцев, председатель отдела Московского патриархата по взаимоотношениям Церкви и общества о. В. Чаплин заметил: *«Можно, конечно, пытаться обратить все это в шутку, сказать, что это игры. Но на самом деле Саурон придуман Толкином как образ сил зла. И то, что он у нас над всем городом будет сиять, многим не понравится. Возвышение символа злой силы над городом — это что? Устанавливать ли символ, связанный со злой духовной стихией, — никто не спросил ни верующих, ни неверующих».* К о. Всеволоду присоединились многие православные, включая славного активиста Энтео (не имеющего отношения к толкиновским энтам). *После этого группа «Свечение» решила не переть на рожон, и начинание было отменено.*

Вроде бы все хорошо, что хорошо кончается. Творческие группы несколько заигрались в ролевые игры, не задумываясь над тем, что символическое значение этих игр — даже помимо их воли и замысла — может получиться весьма двусмысленным, чтобы не сказать сильнее. *На это им было указано в достаточно тактичной форме — кострами инквизиции не грозили, анафемами тоже, — после чего «Свечение» сделало задний ход. Вот и всем бы так.*

Но примиряющий компромисс не в наших обычаях. То ли от того, что первостатейный соблазн сорвался, не получив должного развития, то ли потому, что голос Церкви не должен быть выслушиваем, хотя бы этот голос говорил крайне разумные вещи, то ли от крайней личной неприязни, питаемой многими к о. Всеволоду, то ли, наконец, от того, что представители общественности, будучи специалистами во всех сферах науки и техники, глубоко сведущи так-

же и в демонологии, — но **махание кулаками** после несостоявшейся драки не только не прекратилось, но даже и усугубилось.

Например, куратор современной демонологии М. А. Гельман выразил всю силу своего огорчения: *«Баба-Яга из сказки — мы что, к этому отрицательно относимся? Человек-Паук — это что? Конечно, это не реальность, абсолютная фантазия, тоже, наверное, тварь небожественного происхождения. И что, ее тоже запретить? Вот запретить весь этот пласт культуры, фэнтези? Фэнтези родилось из сказки. Следующим этапом будет запрещать сказки? Чертей, Гоголя запретим? Я расстроен. Для меня эта история — сигнал того, что все, эти ребята реально захватили власть, их боятся».*

В состоянии расстройства куратор смешал все воедино, что не способствует здравому взгляду ни на чертей, ни на «этих ребят», ни на творчество помянутого им Н. В. Гоголя.

Прежде всего, не касаясь пока вопросов чисто религиозных и мировоззренческих, заметим, что черт как персонаж культуры весьма многообразен. Есть комический и полукомический черт народных сказок (и литературы, поддерживающей эту традицию), например глупый черт из «Ночи перед Рождеством», принуждаемый кузнецом везти его «в Питембурх, к царице». Такое множество домашних чертей (к которым отчасти можно отнести и булгаковских чертей-трикстеров) в культуре весьма велико, а **игры с ними почти безобидны. Но есть и черти у того же Гоголя, игры с которыми безобидными никак не назовешь.** Басаврюк из «Вечеров накануне Ивана Купала» устраивает герою такую игру: *«Как безумный, ухватился он за нож, и безвинная кровь брызнула ему в очи... Дьявольский хохот загремел со всех сторон. Безобразные чудища стаями скакали перед ним. Ведьма, сцепившись руками за обезглавленный труп, как волк, пила из него кровь».* **Это уже никак не смешно**, а идея поставить памятник или иное пластическое изображение Басаврюка, наверное, тоже вызвала бы нарекания. То же и с колдуном из «Страшной мести»: *«Когда же есаул поднял иконы, вдруг все лицо его переменилось: нос вырос и наклонился на-сторону, вместо карих, запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копьё, изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал козак старик».* Тут единственно возможное художественное решение предложил есаул Горобець: *«Величаво и сановито выступил вперед есаул и сказал громким голосом, выставив против него иконы: “Пропади, образ сатаны, тут тебе нет места!” — и, зашипев и щелкнув, как волк, зубами, пропал чудный старик».* История же с

ростовщиком из «Портрета» прямо предостерегает от того, чтобы воплощать абсолютное зло в красках, продлевая тем его земное бытие.

Но Толкин, создавая свою вселенную, был движим ясным религиозным мировоззрением, и зло в его эпосе абсолютно. Начиная с мелких **прислужников** — невозможно представить себе комического орка — и кончая самим Темным Владыкой, который в хронике конца Третьей Эпохи уже вообще не может являться в антропоморфном образе, но предстает миру лишь как дреманое огненное око. **Остальное так страшно, что невыразимо человеческим языком и непредставимо пластическими образами. Око Саурона есть символ неисповедимого ужаса.** Установка такой иконы на крыше высотного многофункционального комплекса «IQ-квартал» есть такая форма присяги абсолютному злу, что **дальше некуда. По крайней мере, если почти-точно следовать мировоззрению автора «Властелина колец».**

Другое дело, что если мирозерцание ограничено рамками ролевых игр, хэппенингов и перформансов: *«Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль»*, — тогда любое всего лишь напоминание о серьезных вещах будет восприниматься как недопустимое посягательство на право неограниченно водевильить. **Балованные дети** (Эксперт. 2014. № 51).

Общий ритм и интонацию текста задают семантически сложные предложения, которые многократно осложнены различного рода обособленными конструкциями: *Творческая группа «Свечение» намеревалась сделать красочный подарок москвичам, установив на крыше высотного многофункционального комплекса «IQ-квартал», возводимого компанией «Галс-Девелопмент» в ММДЦ «Москва-Сити», черный зрачок, окруженный языками пламени, изображающий око Саурона из книги Д. Толкина «Властелин колец».*

Еще более усугубляют ситуацию книжности сложные предложения, имеющие большое количество частей: *То ли от того, что первостатейный соблазн сорвался, не получив должного развития, то ли потому, что голос Церкви не должен быть выслушиваем, хотя бы этот голос говорил крайне разумные вещи, то ли от крайней личной неприязни, питаемой многими к о. Всеволоду, то ли, наконец, от того, что представители общественности, будучи специалистами во всех сферах науки и техники, глубоко*

сведуци также и в демонологии, — но махание кулаками после несостоявшейся драки не только не прекратилось, но даже и усугубилось.

И еще более усиливают, впечатление книжной стихии сложные предложения, включающие в состав цитаты: *Другое дело, что если мирозозерцание ограничено рамками ролевых игр, хэппенингов и перформансов: «Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль», — тогда любое всего лишь напоминание о серьезных вещах будет восприниматься как недопустимое посягательство на право неограниченно водевильить.*

Разговорная лексика, в том числе и сниженная, в тексте присутствует, но ее количество по отношению к объему текста достаточно невелико, и она не задает интонацию индивидуального голоса: *хватало бы, переть на рожон, сделало задний ход, махание кулаками, драка, прислужник, водевильить.*

Между тем разговорная интонация в тексте хорошо ощущается. Разговорную интонацию генерируют в тексте именно те характерные для разговорной речи конструкции, которые были указаны в таблице. В тексте выделены курсивом цитаты, прямым жирным — простые предложения, а также части сложных предложений, которые родом из сферы разговорности. Особенно ярко звучит разговорное начало в коротких простых предложениях: *Вот и всем бы так. Балованные дети.* Не случайно такие предложения автор ставит в сильные позиции текста — конец абзаца и конец текста.

Анализируя примеры подобного типа, необходимо еще раз обратить внимание на то, что важен не только сам факт употребления разговорных конструкций, но и сама коммуникативная цель — направленность на выражение авторского мнения. Для этого автор комментария привлекает и множество других средств. Так, в тексте ярко выражены авторская ирония и присутствие автору чувство юмора. Автор владеет техникой работы с двуголосым словом (термин М. М. Бахтина (1979, с. 210–237)). Текст имеет многочисленные интертекстуальные связи, и интертекст принимает активное участие в формировании смысла текста, в значительной степени обуславливает также интонационное раз-

нообразии текста, которое не исчерпывается взаимодействием книжности и разговорности.

Проанализированный пример представляет собой речь автора от 3-го лица. Но этот способ внесения в текст личностного начала, которое ощущается как интонация, принадлежащая говорящему человеку, выражающему свое «я», выработан был еще в произведениях художественной литературы XIX века. В тексте появлялся рассказчик, в словесном отношении неотличимый от автора. И тогда монологи рассказчика приобретали публицистическое звучание. Рассмотрим с этой точки зрения фрагмент из рассказа Антона Павловича Чехова «Крыжовник»:

Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился. Мы видим тех, которые ходят на рынок за провизией, днем едят, ночью спят, которые говорят свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащат на кладбище своих покойников; но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания... И такой порядок, очевидно, нужен; очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно. Это общий гипноз. Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стряется беда — болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других.

Мы видим здесь ту же ситуацию. Общая книжная интонационная тональность задается сложными предложениями, состоящими из большого количества частей. Но мы совершенно отчетливо слышим голос рассказчика, проникнутый личным отношением к ситуации. Эта разговорная интонация и здесь вносится конструк-

циями короткими, односоставными и неполными. Причем здесь они употребляются в основном как части сложных предложений: *мы видим тех; все тихо, спокойно; протестует одна только немая статистика; столько-то с ума сошло; кругом бедность невозможная; есть несчастные.*

Особенно ярко разговорная интонация звучит, если простое короткое предложение стоит после длинной сложной конструкции. Резкая смена ритма и интонационного рисунка выглядит очень экспрессивным приемом: *И такой порядок, очевидно, нужен; очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно. Это общий гипноз.*

Мы рассказали в данном разделе об основных, базовых, универсальных способах внесения в текст авторского «я». Все эти приемы каждым журналистом используются по-своему. В любом случае сами факты использования любого способа выражения авторского «я», например слов с местоименным значением, еще не создает основу индивидуальной стилистики. Индивидуальный стиль, явление многоаспектное и достаточно сложное, будет описан во второй части учебного пособия.

Вопросы и задания

1. Расскажите о словах с местоименным значением как о средствах выразительности.
2. Как может выразить автор свое «я» на основе использования видо-временных форм глагола?
3. Как может выражать автор свое «я» на основе использования значения лица глагола?
4. Расскажите, как могут быть использованы для выражения авторского «я» модальные частицы.
5. Назовите основные средства выражения отношения автора к тому, о чем он говорит (средства выражения субъективно-модального значения).
6. Расскажите об использовании вопросительных предложений как выразительного средства.
7. Расскажите об использовании восклицательных предложений как выразительного средства.

8. Расскажите об использовании побудительных предложений как выразительного средства.

9. В чем суть использования синтаксических конструкций как выразительных средств на основе принципа «фон — отклонение»?

10. Какие типы конструкций свойственны преимущественно разговорной речи?

11. Какие типы конструкций свойственны преимущественно книжной речи?

Комическое в массовой коммуникации

Когда говорят о комическом в СМИ, обычно имеют в виду прежде всего сатирические жанры в СМИ, преимущественно фельетон и памфлет. Современное состояние речевой практики СМИ, однако, таково, что вопрос следует поставить шире: как проявляется комическое начало в речевой практике СМИ в целом? Требуется именно такая постановка вопроса, так как система жанров и стилей в СМИ может меняться, но само комическое в различных его ипостасях уйти из СМИ не может.

Комическим в широком бытовом понимании называют смешное. Это своя знаковая система, которая широко используется в общении, прежде всего неофициальном.

Комическое как объект научного исследования мы изначально встречаем в эстетике и философии. Здесь комическое не отождествляется со смешным: «Смешное шире комического. Комическое — прекрасная сестра смешного. Комическое порождает социально окрашенный, значимый, одухотворенный эстетическими идеалами, “светлый”, “высокий” смех, отрицающий одни человеческие качества и общественные явления и утверждающий другие» (Борев 1970, с. 10). Иначе говоря, комическое, в отличие от просто смешного, предполагает социальную актуальность смешного, соотносительность с системой общественных ценностей.

Природу комического, как известно, определяет именно смех. Широко распространено мнение, что смех вызывает то, что содержит внутреннее противоречие, что воспринимается как несоответствие, алогичность. Н. Г. Чернышевский писал, что в природе смеха лежит «внутренняя пустота и ничтожность, прикрываемая внешностью, имеющей притязания на содержание и реальное значение» (Чернышевский 1949, т. 2, с. 31).

Современное понимание комического лежит в той же плоскости: «Комическое (греч. *komikos* — веселый, смешной) — категория эстетики, выражающая в форме осмеяния исторически обусловленное (полное или частичное) несоответствие данного социального явления, деятельности и поведения людей, их нравов и обычаев объективному ходу вещей и эстетическому идеалу прогрессивных общественных сил. Комическое по своему происхождению, сущности и эстетической функции носит социальный характер. Его истоки коренятся в объективных противоречиях общественной жизни. Комическое может проявляться по-разному: в несоответствии нового и старого, содержания и формы, цели и средств, действия и обстоятельств, реальной сущности человека и его мнения о себе» (Философский словарь 1981, с. 254).

Комическое вообще широко распространено в сфере межличностной коммуникации в различных сферах практической жизни общества. Комическое легко встраивается в бытовое вербальное общение. Оно широко представлено в искусстве: и в художественной литературе, и в скульптуре, и в живописи, и в музыке.

Что касается данной работы, то нас интересует, как комическое представлено в речевой практике СМИ. При этом в данном учебном пособии мы смотрим на комическое прежде всего как на категорию речевую, стилистическую.

В рамках стилистики мы будем понимать под комическим выражение отношения к чему-либо посредством смеха. При этом мы не будем давать определение смеха, поскольку это выходит за пределы стилистики. Будем считать, что все знают смех как некую данность, которая изначально и не поддается определению.

Включая комическое в систему стилистических категорий, мы сближаем комическое прежде всего с кругом значений субъективно-модального типа, значений, выражающих отношение субъекта речи (говорящего, пишущего) к содержанию сообщения (см. предыдущий раздел).

В каждом предложении и, шире, вообще в каждом высказывании, произнесенном или написанном, всегда присутствует субъект высказывания (лицо говорящее или пишущее; далее везде — говорящий). Присутствие говорящего выражается в том, что он более или менее открыто (эксплицитно), прямо или косвенно, но обязательно всегда говорит о своем отношении к содержанию сообщения, к тому, о чем сообщает. Это отношение достаточно часто воспринимается как нейтральное и как будто бы вообще не выраженное. Но отношение автора к содержанию сообщения может быть и акцентированным, выраженным достаточно заметно и ярко. В последнем случае говорящий при помощи разных языковых средств так или иначе оценивает свое сообщение или сам способ сообщения, что-то в нем выделяет, соотносит с обстановкой речи, с источником своей информации, выражает уверенность или неуверенность в том, о чем он говорит. Все эти значения называются субъективно-модальными. Субъективно-модальные значения тесно связаны с экспрессивной окраской сообщаемого, с его эмоциональной составляющей, оценкой.

Говоря о комическом как о выражении *отношения* автора к чему-либо посредством смеха, мы должны исходить из того, что *содержание отношения* в различных видах комического выглядит по-разному. Рассмотрим содержательную специфику этого отношения в различных формах проявления комического.

ЮМОР

Наш личный речевой опыт, бытовой речевой обиход подсказывают нам, что юмор понимают именно как одну из форм отношения человека к миру, к кому- или чему-либо. Юмор чаще встречается в сфере межличностной коммуникации, но эту фор-

му выражения отношения можно встретить практически в любой сфере деятельности, обусловленной социальными факторами. Можно с юмором относиться к человеку: к его поступкам, внешнему виду и т.д. Однако невозможно с юмором относиться, например, к природе как таковой, взятой самой по себе, безотносительно к человеку.

Невозможен юмор в сфере официально-деловых отношений. Юмор предполагает наличие отклика, зарождение диалога. А документ, предписание, закон, инструкция не предполагают возможности диалога.

Мы часто слышим выражение «отнесись к этому с юмором». Но что это значит — относиться к чему-либо с юмором? С юмором — это как?

Юмор как отношение довольно сложен по своему наполнению и включает множество составляющих. Юмор опирается на умение человека проанализировать ситуацию и отделить главное от второстепенного, увидеть за малым несовершенством скрытые общечеловеческие ценности и отделить одно от другого. Человек с чувством юмора воспринимает несущественные отклонения от нормы, которые не влекут за собой трагических последствий, как нечто такое, что обязательно проявляется в жизни в силу несовершенства мира. И человек с чувством юмора прощает миру его несовершенство, относится к этим недостаткам со снисхождением, поскольку они не затрагивают базовых ценностей. В этом случае доминирует положительное отношение к видимому отклонению от привычного. С юмором мы относимся к тому, что готовы принять.

В юморе так или иначе содержится скрытая оценка, поскольку, выделяя объект своего отношения, мы сравниваем наш объект с идеальным представлением о нем. При оценивании мы опираемся на идеал. В юморе оценка в целом выглядит положительной, она дается с точки зрения высоких критериев общечеловеческой значимости. Юмор предполагает, что обыденное и смешное, как правило, взаимно переплетены, и необходимо проявить способность увидеть возвышенное в малом.

Принципиально важно наличие включенности эмоционального компонента. Неслучайно мы говорим о чувстве юмора. От

выражающего свое отношение требуется душевное расположение к объекту. Юмор — это проявление всего душевного склада человека.

Наличие оценочного компонента в координатах общечеловеческих ценностей и включенность эмоционального начала приводят к тому, что предполагается также снисхождение к несовершенному. Здесь мы имеем пафос принятия мира во всей полноте. Для того чтобы быть способным на выражение отношений такого рода, требуются развитый ум, способность критически оценивать окружающее, склонность к сопоставлениям и ассоциациям. Юмор эмоционально и в когнитивном плане обогащает личность, человеческий ум раскрывает правомерность того, что на первый взгляд кажется смешным (см., например: Азаренко 1998, с. 1044–1046).

Внешне юмор выражается в доброй улыбке. Изобразительный аналог юмора — дружеский шарж.

Заключая сказанное, мы можем утверждать, что юмор — сложная форма отношения, предполагающая умение человека хорошо ориентироваться в окружающем мире. Требуется умение за внешне смешным увидеть скрытое главное и, что принципиально важно, не спутать одно с другим. Если человек лишен чувства юмора, то это воспринимается как серьезный недостаток. Такой человек представляется нам в большей или в меньшей степени социально неполноценным, а иногда и опасным.

Естественно, что юмор как отношение наиболее полно проявляется в речи. Поэтому можно сказать, что юмор — это одновременно и тип речевого поведения.

Юмористические рассказы всегда охотно печатали на страницах газетных и журнальных изданий. Юмористический рассказ учит правильному отношению к жизни, уместной снисходительности, учит отделять важное от второстепенного, прощать миру его несовершенство в тех случаях, когда это необходимо сделать.

В качестве классического примера из истории русской журналистики можно привести юмористические рассказы А. П. Чехова, которые писались для газеты. например рассказ «Лошадиная фамилия», который впервые был напечатан

в «Петербургской газете» (1885. № 183). Изображая бытовую жизненную сценку, автор рисует нам обычные человеческие недостатки: забывчивость приказчика Ивана Евсеича, грубость генерала, желание прислуги заработать пять рублей на несчастье хозяина, невежество людей. Однако в рассказе нет гневного обличения этих пороков. За внешними недостатками мы видим людей, проявляющих сочувствие, наивных. По законам бытового речевого поведения генерал имеет «право» нагрубить. Он и грубит, но не как генерал, а как человек, попавший в нелепую и мучительную ситуацию. Никто из персонажей не попирает нравственные законы. Эта нелепость и поведение героев вызывают у нас улыбку, которая говорит о несовершенстве мира и готовности принять его.

Все рассказы подобного типа строятся в основном на основе ситуаций бытового характера, когда в процесс общения допускается включение эмоционального компонента.

Юмор широко распространен в изданиях развлекательного характера, в текстах, которые представляют собой различные виды языковой игры. Именно благодаря юмору формируется эмоциональная атмосфера, в которой и становится возможной языковая игра. На различных сайтах Интернета одно время можно было встретить следующий текст:

Почему курицы перешли через дорогу?

УЧИТЕЛЬ ДЕТСКОГО САДА: Чтобы перейти на другую сторону.

ПЛАТОН: В поисках лучших условий.

АРИСТОТЕЛЬ: Это в природе куриц — переходить через дорогу.

КАРЛ МАРКС: Это было исторически неизбежно.

САДДАМ ХУСЕЙН: Это был неспровоцированный акт восстания, и то, что мы сбросили на них 50 тонн нервно-паралитического газа, было вполне обоснованно.

ДЖЕК НИКОЛСОН: Потому что они, блин, этого хотели. Вот в чем, блин, причина.

РОНАЛЬД РЕЙГАН: Я забыл.

ГИППОКРАТ: Из-за избыточного содержания желчи в поджелудочной железе.

МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ: Я представляю себе мир, в котором все курицы будут свободно переходить через улицы и никто не будет спрашивать, зачем они это сделали.

МОИСЕЙ: И Бог сошел с небес и сказал курицам — вы должны перейти дорогу. И курицы перешли дорогу и отметили это событие большим праздником. <...>

ДАРВИН: Курицы в течение долгого периода времени прошли через естественный отбор таким образом, что они генетически предрасположены переходить улицы.

ЭЙНШТЕЙН: Курицы переходили дорогу или дорога двигалась под курицами — зависит от вашей точки восприятия.

БУДДА: Представьте себя курицей и задайте себе этот вопрос.

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ: Чтобы сдохнуть. Промокнуть под дождем и сдохнуть.

КОНСУЛЬТАНТ АРТУР АНДЕРСОН: Отсутствие регулирования на куриной стороне улицы подвергло угрозе текущую рыночную позицию. Курицы столкнулись с необходимостью изменений и преобразований для создания и развития условий, требуемых в современных обстоятельствах. «Андерсон Консалтинг» в партнерских отношениях с клиентом помог курицам переосмыслить их физически-распределительную стратегию и осуществление текущих процессов. Используя птицеводческую интеграционную модель (ПИМ), «Андерсон Консалтинг» помог курицам использовать их умение, методики, знания, капитал и опыт для выравнивания куриных процессов и технологий в поддержку их всеобщей стратегии в пределах структуры программного менеджмента. «Андерсон Консалтинг» собрал различные методы анализа пересечения улиц и лучшие представители куриц вместе с консультантами «Андерсон Консалтинг», обладающими большим опытом в транспортной индустрии, определили двухдневный маршрут движения с целью увеличить капитал куриных знаний, как явных, так и неявных, и дать им возможность взаимодействовать друг с другом, чтобы успешно выстроить и внедрить широкую предпринимательскую структуру через континуум курице-дорого-переходящих процессов. Маршрут движения был стратегически основан, индустриально сфокусирован и создан как последовательное, ясное и цельное рыночное сообщение в соответствии с миссией куриц и их видением ситуации. Это способствовало движению к созданию полноценного бизнес-интегрированного решения. «Андерсон Консалтинг» помог курицам измениться, чтобы стать более успешными (<http://bayanov.net/text/pochenu-kuritsy-pereshli-dorogu.php>).

Мы видим, что тематика текстов существенно шире описания привычного повседневного бытового существования. Мы видим мир политики, общественных движений, науки, однако все эти сферы деятельности представлены в языковой игре на основе тривиального бытового аспекта. Статус той или иной известной всем личности переосмысливается таким образом, что остается лишь общечеловеческий компонент. Читатель может легко продолжить эту игру, представив, как истолковали бы проблему его собеседники.

Поскольку наличие чувства юмора является несомненным достоинством личности, говорит об адекватном восприятии мира, о человечности, об умении отделять главное от второстепенного, то в средствах массовой коммуникации юмор может быть использован с целью создать положительный имидж политического или общественного деятеля.

Так, хорошо известно, что деятельность И. В. Сталина оценивается в нашем обществе диаметрально противоположно. Сугубо отрицательные оценки соседствуют с абсолютно положительными. Идет борьба за имидж политика между разными идеологическими течениями. С целью коррекции имиджа И. Сталина в лучшую сторону была выпущена книга Н. Ф. Хохлова «И. В. Сталин смеется... Юмор вождя народов» (М., 2013). Книга рассчитана на то, чтобы убедить читателя, что сугубо отрицательный имидж политика не вполне соответствует действительности. Человек, обладающий чувством юмора, не может быть абсолютным злодеем. Автор приводит различного рода занимательные истории, байки, воспоминания современников И. Сталина, которые в совокупности призваны очеловечить образ вождя. Приведем два фрагмента из книги.

Сталин сам писал стихи в молодости, и очень талантливо. Они печатались до того, как он стал Сталиным.

Когда ему предложили издать юношеские стихи к 60-летнему юбилею, он сказал:

— В Грузии и так много классиков. Пусть будет на одного меньше (с. 38).

Сергей Юткевич рассказывал, что Сталин спасал кинорежиссеров от терроризма со стороны родственников исторических персонажей. Так было с создателями фильма «Чапаев» братьями Васильевыми (их донимали родственники Чапаева), с Довженко — постановщиком фильма о Щорсе (режиссера преследовали родственники этого героя Гражданской войны).

На Юткевича пожаловались родственники Свердлова: мол, образ революционера искажен режиссером.

Сталин написал на жалобе резолюцию: «На усмотрение режиссера. И. Сталин» (с. 38).

Мы видим, что каждая байка заканчивается фразой, которая свидетельствует о хорошем владении русской речью, остроумии, о трезвом взгляде на мир, снисходительности и справедливости. Идеологическая заданность текстов очевидна: Сталин снисходительно относится к неразумным поступкам других людей, готов простить их, но при этом не поступается правильностью принимаемых решений.

Читая книгу, мы замечаем, что чувство юмора изменяет порой самому автору-составителю. Некоторые тексты не столько корректируют имидж Сталина в лучшую сторону, сколько еще больше его дискредитируют:

Исходя из общих принципов сталинской кадровой политики, председатель Комитета по делам искусств Харченко дал указание уволить из Большого театра замечательного певца Марка Рейзена.

Вскоре после этого к Рейзену, голос которого нравился Сталину, позвонил Поскребышев и предупредил, чтобы он был готов сегодня выступить на приеме в Кремле. Рейзен ответил, что он уволен из театра и уже не выступает. Однако через некоторое время за певцом приехала машина, и он очутился в Кремле. Рейзен спел, как всегда, прекрасно. Сталин подозвал Харченко и спросил, указывая на Рейзена:

— Это кто?

— Это певец Рейзен.

— А вы кто?

— Председатель Комитета по делам искусств Харченко.

— Неправильно. Это — солист Государственного академического Большого театра, народный артист СССР Марк Осипович Рейзен, а вы — дерьмо. Повторите!

— Это — солист Государственного академического Большого театра, народный артист СССР Марк Осипович Рейзен, а я — дерьмо.

— Вот теперь правильно, — сказал Сталин (с. 7).

Данная байка демонстрирует присущие персонажу грубость и бестактность речевого поведения, что недопустимо ни при каких обстоятельствах. Очевидно, что чувство юмора нельзя выработать подобно какому-либо навыку. Умение выразить себя в тексте так, чтобы читатель убедился в наличии у автора чувства юмора, является проявлением склада личности, что требует постоянного самосовершенствования и трезвого самоанализа.

ИРОНИЯ

Ирония также представляет собой в речевом плане форму выражения отношения автора к кому- или чему-либо. Однако содержание этого отношения совершенно иное, чем в случае с юмором. Об этом говорит и употребление слова *ирония*. Если мы можем сказать *отнесись к этому с юмором*, то мы не можем сказать *отнесись к этому с иронией*. Но можно услышать: *он ко всему относится с иронией, он иронизирует*. Ирония, как свидетельствуют данные примеры, является такой формой выражения отношения, которая по некоторым причинам не всегда приемлема. Объясняется это спецификой содержания того отношения, которым является ирония.

Прежде всего, мы чувствуем в иронии отстранение от того, на кого направлена ирония. Иронизируя, мы отказываемся от сочувствия, от сопереживания. Здесь обозначается в первую очередь скептическое отношение, неприятие.

Следует отметить и отсутствие в данной форме отношения душевной расположенности, открытости. Эмоциональный компонент в иронии присутствует, но он качественно иной, чем в юмо-

ре. Иронизирующий человек снисходит до выражения своего отношения. Выраженное снисхождение означает одновременно сознание собственного величия. До иронии нужно возвыситься. Неслучайной выглядит фраза из психологически очень тонкого рассказа И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч»: «Хорь возвышался даже до иронической точки зрения на жизнь...» Ирония, таким образом, подчеркивает неравенство коммуникативного статуса участников беседы.

Если юмор — это душевная открытость и открытая форма выражения отношения, то ирония выражается способом, неочевидным для того, на кого она направлена. Ирония проявляется в скрытой форме. Внешняя форма выражения иронии невербальными средствами — скрытая насмешка.

Фраза, выражающая иронию, может звучать внешне как похвала, будучи, по сути, выражением неприятия. Формально общается одно, а подразумевается и неявно выражается другое. Собеседник всегда может оказаться в нелепом положении, не заметив направленную на него иронию.

С точки зрения ментальной техники ирония требует формирования другой, чужой, точки зрения. Нужен мнимый «я», который бы смог отойти в сторону от привычного, избавившись от личной душевной открытости.

Поскольку в иронии доминирует интеллектуальное, рациональное начало, то ирония требует истолкования. Ироничное отношение если и не ставит в тупик человека, то заставляет напряженно осмысливать выраженное к нему отношение. Юмор органически вырастает из чувства душевной расположенности. Ирония всегда имеет причину.

Содержательное богатство и рациональное онтологическое основание иронии естественным образом привели к тому, что ирония была осмыслена как научная категория в рамках философской науки. В гносеологии ирония рассматривается как принцип познания, принцип сомнения, как способ обнаружения истины.

Человеческая природа и когнитивный потенциал иронии обусловили ее присутствие и многочисленную функциональную на-

груженность в произведениях художественной литературы. Так, мы знаем, что ирония является одной из конституирующих категорий в таком виде литературного творчества, как романтизм. Романтический герой, разочаровавшийся в жизни, относится к ней с иронией. Романтическая ирония говорит нам об иллюзорности жизненных явлений.

В русской классической литературе ирония имеет другую функциональную перспективу. В устах героя русского романа ирония — это форма критики действительности. Вспомним знаменитые афоризмы Базарова:

Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта.

Русский человек только тем и хорош, что он сам о себе пре-скверного мнения.

Важно то, что дважды два четыре, а остальное все пустяки.

По-моему... Рафаэль гроша медного не стоит.

Если ирония героя направлена на самого себя, то в этом случае принято говорить о горькой иронии.

Что касается разнообразия жизненных явлений, на которые может быть обращено ироническое отношение, то ирония отличается тем, что этот круг жизненных явлений практически не ограничен. Ироническое отношение может быть выражено ко всему, что окружает человека и является частью его жизни, то есть с семантической точки зрения это мир событийной семантики: события, лица, поступки, решения, природа в той ее части, которая является объектом восприятия, собственный мир внутреннего существования человека и т.д. Сферу абстрактной семантики эта форма отношений не затрагивает. Вряд ли можно скептически относиться к тому, что в молекулу воды входит только один атом кислорода.

Несмотря на то что слово *ирония* претендует на статус термина, оно употребляется в нескольких значениях. Хотя, заметим, эти значения в практике филологической науки не всегда разграничиваются.

Ирония как особенность речевого поведения. Если мы смотрим на иронию с точки зрения субъекта речи, то для него ирония часто — это манера речевого поведения, форма выражения

отношения к собеседнику. Приведем в качестве примера речевое поведение фельдмаршала Кутузова, в котором четко обозначено его отношение к австрийским генералам:

— Я только говорю одно, генерал, — говорил Кутузов с приятным изяществом выражений и интонации, заставлявшим вслушиваться в каждое неторопливо сказанное слово. Видно было, что Кутузов и сам с удовольствием слушал себя. — Я только одно говорю, генерал, что ежели бы дело зависело от моего личного желания, то воля его величества императора Франца давно была бы исполнена. Я давно уже присоединился бы к эрцгерцогу. И верьте моей чести, что для меня лично передать высшее начальство армией более меня сведущему и искусному генералу, какими так обильна Австрия, и сложить с себя всю эту тяжкую ответственность для меня лично было бы отрадой. Но обстоятельства бывают сильнее нас, генерал.

И Кутузов улыбнулся с таким выражением, как будто он говорил: «Вы имеете полное право не верить мне, и даже мне совершенно все равно, верите ли вы мне или нет, но вы не имеете повода сказать мне это. И в этом-то все дело».

Мы видим, что Кутузов «отгородился» от своего собеседника, которого он не уважает и не ценит. Фельдмаршал смеется над австрийским генералом, однако эта насмешка выражена в форме похвалы. Функцию отрицания прямого значения слов, функцию формирования смысла, противоположного значению, берут на себя невербальные компоненты. Ирония как речевая манера требует от говорящего незаурядного речевого мастерства. (см. выделенный фрагмент)

В речевой практике СМИ мы также можем назвать имена, например, ведущих, доминантой речевого поведения которых является ирония. Вот как начал одну из своих передач «Вечерний Ургант» сам Иван Ургант:

Друзья, здравствуйте! Вечерний Ургант, двадцать два тридцать. Много очень событий, много очень новостей.

Во-первых, День предпринимателя в Киргизии. Поздравляем мы этих трех человек.

Во-вторых, стало известно, что певица Шакира беременна от игрока испанской «Барселоны», который вчера выиграл у московского «Спартака» (2012. 20 сент.).

В первом случае ирония выражает скептическое отношение автора к темпам развития частного предпринимательства в Киргизии. Во втором случае ирония выражает неприятие широко распространенного типа спортивной хроники, которая вместо проблем спорта копается в личной жизни футболистов и тренеров. Ироничная манера речевого поведения является доминирующей у Ивана Урганта.

Ирония как прием выразительной речи. Если посмотреть на пример из романа Л. Толстого с точки зрения речевого мастерства, то ирония предстает перед нами как стилистический прием. Можно сказать, что автор наряду с такими приемами, как сравнение, метафора, гиперболы, которые имеют место в романе, в данном фрагменте использует иронию.

Ирония как качество текста. Слово ирония может обозначать качество текста, которое охватывает все произведение. Так, например, репортажи Андрея Колесникова в «Коммерсанте» написаны в ироничной манере.

Владимир Путин обещал чудо приспособления

Президент знает, что экономика рано или поздно справится с кризисом

Вчера на встрече с руководящим составом Федерального Собрания президент России Владимир Путин прохладно отнесся к инициативе депутата Госдумы Андрея Макарова ускорить подготовку закона об амнистии капитала, чтобы гарантировать бизнесу, что задекларированные 1 апреля 2015 года деньги останутся в сохранности. Впрочем, отмечает специальный корреспондент «Ъ» АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ, столько же энтузиазма у Владимира Путина вызвала и инициатива лидера ЛДПР Владимира Жириновского восстановить наконец историческую справедливость и считать глухонемого Герасима обыкновенным трудовым мигрантом в российской глубинке, а главным героем тургеневского «Муму» — барыню.

Встреча с парламентариями проходила в том же Екатерининском зале, что и церемония награждения государственными медалями и орденами, только

убрали несколько рядов кресел: награжденных было вдвое больше, чем званных (для участия в этой встрече), среди избранных (для участия в работе Федерального Собрания).

Президент во вступительном слове был краток (в последние несколько дней он заметно экономит общее время на таких мероприятиях):

— Ситуация непростая, сделано много, предстоит сделать больше... Нам надо экономику перестраивать структурно... Нужна слаженность... Уверен, мы сложности преодолеем и пойдем дальше.

Хотя есть мнение, что дальше уже некуда.

Владимир Путин честно предупредил парламентариев, что в ближайшее время «надо будет иногда принимать оперативные решения, так что надо действовать слаженно».

Смысл был, очевидно, в том, что на обсуждение предложений правительства и президента у Федерального Собрания не будет никакого времени.

— Я постараюсь коротко, в таком же стиле, как вы! — воскликнула глава Совета Федерации Валентина Матвиенко.

Они тут все вдруг очень сильно куда-то заторопились.

— Этот год, — призналась Валентина Матвиенко, — дал нам чувство гордости за свою страну [в таких случаях стоит говорить прежде всего все же за себя. — А. К.]. Совет Федерации полностью исполнял полномочия, возложенные на него.

Она горячо доказывала, что не приемлет «заявлений об аннексии Крыма», и больше того, эксперты Совета федерации «углубились в историю» и поняли, что «передача Крыма в 1954 году не имела законодательных оснований», и сейчас, на исходе 2014 года, российские законодатели инициировали процедуру, которая подтвердит это обстоятельство.

Впрочем, это говорит о том, что остальных процедур, таких как референдум этого года в Крыму и решение Федерального Собрания о воссоединении Крыма и России, подписанное президентом страны, оказалось мало для уверенности в завтрашнем дне (и тем более году).

Происходящие в экономике и финансах страны события Валентина Матвиенко оценила оптимистично:

— Может быть, нам нужна была такая встряска, чтобы начать новую индустриализацию...

Она констатировала у России «огромную выживаемость» (которая ей, судя по всему, очень понадобится).

— И нет, — добавила она, — никаких оснований для паники, хотя, хотя кое-кто...

После таких слов поневоле начнешь, конечно, паниковать.

— Хочу пожелать, — обратилась Валентина Матвиенко лично к Владимиру Путину, — такого же терпения, такой же выдержки... и вы должны понимать, что мы — единая команда!

Вот это иногда и пугает.

Спикер Госдумы Сергей Нарышкин оказался более сдержан на проявление чувств. Он поделился тем, что всех беспокоит состояние национальной валюты и ее влияние на экономический и социальный секторы: «...и Государственная дума приняла решение о создании группы для контроля за ситуацией, у нас есть инструменты...»

Слава богу, теперь хоть можно вздохнуть с облегчением.

— Главное, — заключил Сергей Нарышкин, — сохранить доверие к банковской системе. Мы в исключительном порядке приняли решение о докапитализации банков на 1 трлн руб. не на биржевые спекуляции, а на поддержку банков [хотелось бы верить, что именно туда. — А. К.]

Неожиданно Сергей Нарышкин высказался по поводу действий правительства: по его словам, некоторых членов кабинета «беспокоит соседство двух терминов — “парламент” и “бюджет”». У Сергея Нарышкина складывается впечатление, что наблюдается желание «держат депутатов подальше от бюджетных вопросов».

— Надеюсь, это недоразумение, — закончил он.

С одной стороны, судя по тому, что говорила Владимиру Путину Валентина Матвиенко, недоразумения будут продолжаться.

С другой — президент говорил про складывающуюся оперативную обстановку, а Сергей Нарышкин — про изнурительные, по крайней мере многомесячные, отношения с правительством и, видимо, уже давно сложившиеся.

С докладом о состоянии процесса деофшоризации, амнистии капитала и других соблазнительных идей президента, изложенных в последнем послании, выступил депутат Госдумы Андрей Макаров. Он готовился сказать многое, а скорее всего — все: предупредил, что сейчас воспользуется данными из открытых источников, которые он сопоставил с данными из зарубежных (не таких, видимо, открытых).

Сообщение Андрея Макарова было, можно сказать, детективным и носило характер расследования, проведенного депутатом-одиночкой вопреки всему (но только не здравому смыслу), а по всему видно: было чему.

Андрей Макаров методично считал деньги, потерянные для страны: доходы, вкладываемые в офшоры и освобождаемые от налогов, — \$75 млрд; «а вернулись \$53 млрд в виде кредитов и займов...»

Андрей Макаров волновался: «Владимир Владимирович, вы в своих вопросах на ответы журналистов подчеркивали...»

В результате сделок по слиянию и поглощению активов российских компаний страна, по словам Андрея Макарова, недосчиталась \$108 млрд.

Потом он нашел еще \$20 млрд потерянных денег, потом еще \$44 млрд...

Так что цена вопроса стремительно росла.

И только после этого Андрей Макаров перешел плавно к главному, из-за чего, видимо, и начал подсчет: 15 июля 2015 года — последний день, когда может быть принят закон об амнистии капитала, и «15 июля — эта дата убьет закон», потому что до 1 апреля бизнесмены должны подать сведения о своих капиталах в офшорах, а никаких гарантий, что им за это ничего не будет, не окажется: закон по этому поводу будет принят только 15 июля.

По мнению Андрея Макарова, все дело в правительстве:

— Эксперты считают, что нет никаких причин так долго готовить законопроект, его можно принять и до 1 апреля!

На правительство нападают так уже откровенно и яростно, что хочется его даже защитить как-то, что ли.

Впрочем, и Андрей Макаров торопился [очевидно, все-таки участники встречи получили некое пожелание службы протокола. — А. К.].

— Обсуждать дальше,— произнес вдруг докладчик, — было бы просто вредительством по отношению к коллегам перед Новым годом.

Андрей Макаров заслужил аплодисменты присутствующих: в конце концов, нельзя сказать, что он говорил не по существу.

Так, конечно, не считал лидер ЛДПР Владимир Жириновский. Он не дал выступить одному из планируемых членов Федерального Собрания («У вас как минимум на пять минут, а у меня — на три!») и сразу перешел к главному.

— Из-за чего в здании гостиницы «Москва» до сих пор работает только первый этаж, где магазины и рестораны?! — вскричал Владимир Жириновский. — Потому что депутаты Керимов и Егиазарян до сих пор делят эту гостиницу!

Он, не стесняясь в выражениях, обвинил в происходящем абсурде прежде всего господина Керимова.

— Егиазарян, — воскликнул господин Жириновский, — уже в бегах... сперва отца убили, потом брата, а его — в бега!.. Уголовные дела завели... предлагаю закрыть дела! Пусть наконец заработает гостиница «Москва»!

Лидер ЛДПР в ультимативном порядке потребовал «валюту всю продавать за рубли, ограничить ее продажу за рубеж, включить печатный станок!».

Еще одна тема, которая расстраивает его уже не в первый раз, — состояние образования в стране.

— До сих пор главный герой Тургенева в «Муму» — глухонемой Герасим! — возмутился Владимир Жириновский.

Я думал, он считает главным героем Муму. Но все оказалось сложнее:

— Главный герой — барыня! А Герасим — мигрант, живущий в деревне!

Владимира Жириновского прежде всего беспокоит то, что к процессу школьного образования не привлекают именно его:

— Преподают так, что детям противно сидеть на уроках! Есть три лучших учителя года, выбрали... покажите мне их! И если я проведу урок, они увидят, что у детей глаза на лоб лезут, когда они меня слушают!

В этом и в самом деле не может быть никаких сомнений.

— С Новым годом, дорогие товарищи, — и в самом деле в три минуты уложился, без преувеличения, великий оратор и политик Владимир Жириновский.

Владимир Путин, комментируя все эти выступления [комментарии он до этого излагал на обратной стороне листочков со списком участников встречи. — А. К.], вспомнил, как один знакомый сообщил ему вчера: «Самое лучшее проявление патриотизма — не воровать».

Вообще-то, такое сообщение не должно быть новостью для президента, который, надо сказать, много информации, по его словам, получает в последнее время непосредственно от своих знакомых.

— Экономика, — продолжил Владимир Путин, — неизбежно приспособится к низким ценам на энергоносители... В любом случае мы с этой ситуацией справимся... По-любому приспособится! Но время какое-то должно пройти!

После этого Владимир Путин распорядился новыми цифрами. В то время как, по его словам, товарооборот со странами ЕС падает, с США — растет, и это удивительно даже для него самого, «а для ФРГ, например, падение — это 300 тыс. рабочих мест».

Трудно сказать, намеренно ли Владимир Путин пытался таким элементарным способом столкнуть лбами и посеять непримиримый раздор между США

и ЕС, покорно поддающийся давлению коллег из-за океана в истории с санкциями против России.

А вернее, просто.

Речь Андрея Макарова не очень впечатлила президента:

— Что касается вывоза капитала... — пожал плечами Владимир Путин, — 50% — это на самом деле обмен, это операции граждан РФ. Они ушли из рубля на доллары и евро. Но деньги остались в стране.

Насчет того, что есть смысл ускорить подготовку закона об амнистии капитала, Владимир Путин вообще никак не откликнулся.

Значит, никто и не будет торопиться.

В том числе и декларировать этот капитал (Коммерсантъ. 2014. 23 дек.).

Мы видим, что ирония как отношение автора к описываемому событию пронизывает весь текст. Ирония многогранна, в ней много оттенков: горькая ирония по поводу создавшейся в стране ситуации, острые, но справедливые замечания по поводу соответствия сказанного действительности, близкое к юмору отношение к желанию В. Жириновского работать в школе и преобразовать школьную программу по литературе и т.д.

В эмоциональном плане текст не является нейтральным. С одной стороны, автор отстраняется от прямой и безусловной стопроцентной поддержки тех, о ком говорит в своей публикации. С другой стороны, автор заявляет о своей позиции: это не огульное отрицание того, что происходит, нужна конструктивная критика, чтобы Правительство, Президент, Государственная Дума, Совет Федерации могли посмотреть, в чем они уязвимы для публичной критики. Журналист позиционирует себя в тексте не как частное лицо, Андрей Владимирович Колесников, а как представитель той части общественности, которая так же, как и властные органы, озабочена судьбой страны, но считает, что ее задача — не любить правительство и президента, а помогать находить правильные решения и правильный стиль поведения в критической ситуации.

В данном случае ирония выступает как конструктивное отношение к действительности, например критический взгляд на деятельность В. В. Жириновского как политика в тех его выступле-

ниях, когда он, позабыв про суть дела, работает на свой имидж с ориентацией на свой электорат.

Ироничную манеру письма известных журналистов очень часто копируют. При этом надо иметь в виду, что если конструктивная ирония обладает большим смыслообразующим потенциалом, то ирония-подражание таким потенциалом не обладает и является всего лишь симуляцией интеллектуальной деятельности. Разрушительное начало такой иронии было хорошо осмыслено еще в конце XIX века. Так, в 1893 году А.П. Чехов в «Рассказе неизвестного человека» вывел на суд общества тип личности, который является носителем разрушительного иронического начала. Внешне главный герой, отличающийся узнаваемой ироничной манерой поведения, не производит устрашающего впечатления: «...когда Орлов брался за газету или книгу, какая бы она ни была, или же встречался с людьми, кто бы они ни были, то глаза его начинали иронически улыбаться, и все лицо принимало выражение легкой, не злой насмешки. Перед тем как прочесть что-нибудь или услышать, у него всякий раз была уже наготове ирония, точно щит у дикаря. Это была ирония привычная, старой закваски, и в последнее время она показывалась на лице уже безо всякого участия воли, вероятно, а как бы по рефлексу» (Чехов 1962, т. 7, с. 196).

Однако проведенное художественное исследование личности позволяет автору сделать серьезные и трагические по своей сути выводы: «А ваша ирония? О, как хорошо я ее понимаю! Живая, свободная, бодрая мысль пытлива и властна; для ленивого, праздного ума она невыносима. Чтобы она не тревожила вашего покоя, вы, подобно тысячам ваших сверстников, поспешили смолоду поставить ее в рамки; вы вооружились ироническим отношением к жизни, или как хотите называйте, и сдержанная, припугнутая мысль не смеет прыгнуть через тот палисадник, который вы поставили ей, и когда вы глумитесь над идеями, которые якобы все вам известны, то вы похожи на дезертира, который позорно бежит с поля битвы, но, чтобы заглушить стыд, смеется над войной и над храбростью. Цинизм заглушает боль. В какой-то повести Достоевского старик топчет ногами портрет

своей любимой дочери, потому что он перед нею не прав, а вы гадко и пошловато посмеиваетесь над идеями добра и правды, потому что уже не в силах вернуться к ним. Всякий искренний и правдивый намек на ваше падение страшен вам, и вы нарочно окружаете себя людьми, которые умеют только льстить вашим слабостям. И недаром, недаром вы так боитесь слез!» (там же, с. 248).

Позднее Александр Блок, прямо обращаясь к читателю как публицист, писал в статье «Ирония» (1908) о том, что ирония как форма коллективного тотального речевого поведения неконструктивна и представляет собой форму манипуляции общественным сознанием, затушевывая реальные проблемы современности: «Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь — сродни душевным недугам и может быть названа “иронией”. Ее проявления — приступы изнурительного смеха, который начинается с дьявольски-издевательской, провокаторской улыбки, кончается буйством и кощунством» (Блок 1989, с. 209; подробнее см.: Васильев 2012, с. 101–113).

САТИРА

В отличие от иронии, сатира имеет относительно узкую сферу бытования. Она нацелена на обличение общественно опасных явлений, таких социальных пороков, которые разрушают основы человеческого существования в обществе. Сатира предполагает выражение полного неприятия этих отрицательных явлений.

По форме выражения отношения к объекту сатира принципиально отличается от юмора и сатиры. Мы говорим о сатирическом изображении действительности, но нельзя сказать, что кто-то сатирически относится к действительности. Сатира обязательно требует изображения, причем не просто изображения, а изображения, которое имеет статус образа. Говорят, что писатель сатирически изобразил то-то и то-то. Поскольку в основе сатиры лежит образ, то и гносеологический статус сатиры

достаточно велик. Сатирические произведения русских писателей, как мы знаем, всегда концептуальны, требуют истолкования не только в системе эстетических, филологических, лингвистических категорий, но и в системе категорий социологии, философии.

Что касается собственно лингвистического, в частности стилистического, аспекта, то сатира отличается тенденциозностью, резкостью и беспощадностью суждений. Сатира обязательно включает в себя отрицательный оценочный компонент, причем эта отрицательная оценка выражается в резкой, незавуалированной, несмягченной форме. Сатирический образ выражает и значения субъективно-модального типа. Сатира означает эксплицитно выраженное неприятие.

Очень часто сатирическое изображение предполагает элемент гиперболизации, преувеличения. Автор намеренно сгущает краски. Изобразительным аналогом сатирического изображения действительности является карикатура.

Сатира чрезвычайно широко представлена в средствах массовой информации, причем ее присутствие имеет давние традиции. Многие сатирические произведения русских писателей, известные сейчас как художественные произведения, предназначались изначально для газеты или журнала. Те рассказы Чехова, которые подчас известны как юмористические, на самом деле в значительной степени являются произведениями сатирическими, причем написаны чаще всего именно для газеты. Так, рассказ А. Чехова «Смерть чиновника» впервые был напечатан в журнале «Осколки» (1883. № 30). В данном произведении мы видим сочетание различных форм комического: юмора и сатирического компонента. К тому, что чиновник в театре чихнул на лысину своего начальника, можно отнестись с юмором. Однако потерю чиновником чувства собственного достоинства автор изображает сатирически.

В сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Либерал» (Русские ведомости. 1885. 23 июня) главный герой действует сначала по принципу «по возможности», потом — по принципу «хоть что-нибудь» и наконец по принципу «применительно к подлости».

Разумеется, газеты XIX века не являлись средствами массовой информации в современном смысле, но сам факт появления сатирического текста именно в массовой коммуникации примечателен. Сатира органически вписывается в сферу идеологических текстов, находя там наиболее комфортную для себя среду, она востребована прежде всего именно в публичной коммуникации.

Сатирические произведения вызывают наиболее острую ответную реакцию у тех, кто стал объектом сатирического изображения. Поэтому целый ряд международных соглашений гарантирует свободу выражения мнения, в том числе и в сатирической форме. В Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ от 12 февраля 2004 года Комитета министров Совета Европы, в пункте V «Свобода сатирических выступлений», говорится: «Юмор и сатира, охраняемые ст. 10 Конвенции, допускают высокую степень преувеличения, даже провокации, при условии что общество не вводится в заблуждение относительно фактической стороны дела». Упоминаемая здесь Конвенция — это Конвенция о защите прав человека и основных свобод Совета Европы от 4 ноября 1950 года. Статья 10 называется «Свобода выражения мнения»:

1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Данная статья говорит о свободе выражения мнений. Художественный или публицистический образ по своей природе является выражением мнения, хотя в образе, в данном случае — в сатирическом образе, мнение выражается не словами, а самим характером изображения. Изображение создается как воплощение идеи, и только тогда это изображение приобретает статус образа.

Традиция русского стихотворного фельетона, когда берется известный стихотворный классический текст и путем его трансформации создается вторичный текст, социально значимый, актуальный, восходит к творчеству Н. А. Некрасова. «Прообразом» для его произведения «Колыбельная» послужило известное стихотворение М. Ю. Лермонтова.

Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Копируя ритм и сюжет произведения М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасов создает свой фельетонный текст:

Колыбельная песня
(Подражание Лермонтову)

Спи, пострел, пока безвредный!
Баюшки-баю.
Тускло смотрит месяц медный
В колыбель твою,
Стану сказывать не сказки —
Правду пропою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По губернии раздался
Всем отраднй клик:
Твой отец под суд попался —
Явных тьма улик.
Но отец твой — плут известный —
Знает роль свою.
Спи, пострел, покуда честный!
Баюшки-баю.

Подрастешь — и мир крещеный
Скоро сам поймешь,
Купишь фрак темно-зеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «Я благонамерен,
За добро стою!»
Спи — твой путь грядущий верен!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновник с виду
И подлец душой,
Провожать тебя я выйду —
И махну рукой!
В день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострел, пока невинный!
Баюшки-баю.

Тих и кроток, как овечка,
И крепонек лбом,
До хорошего местечка
Доползешь ужом —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь дом многоэтажный,
Схватишь крупный чин
И вдруг станешь барин важный,
Русский дворянин.
Заживешь — и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновник мой прекрасный!
Баюшки-баю.

В последнее время получили широкое распространение и имели успех стихотворные фельетоны Д. Быкова, построенные с опорой на прототип. Например, в качестве прототипа он берет известное стихотворение О. Мандельштама.

Ленинград

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург! Я еще не хочу умирать!
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

Копируя ритм текста и используя некоторые строчки, он создает стихотворный фельетон, посвященный бывшему мэру Москвы Ю. Лужкову, который проходил свидетелем по делу о хищении средств в Банке Москвы. Причем выгодополучателем от сделок следствие считало структуры, принадлежавшие в то время супруге экс-мэра Е. Батуриной. Ю. Лужков и Е. Батурина неоднократно опровергали все предположения правоохранительных органов и делали при этом резкие политические заявления. Непосредственным поводом для написания фельетона стало посещение Ю. Лужковым в качестве свидетеля Следственного департамента МВД РФ. Дмитрий Быков создает в своем фельетоне остросатирический образ представителей московской власти:

Он вернулся в свой город, знакомый до слез,
 Но теперь он приехал сюда на допрос.
 Он бы мог убежать и в ловушку не лезть,
 Но важней безопасности мэрская честь.
 Оглянется москвич на пороге зимы:
 «Где-то этого, в кепочке, видели мы!
 Голова у него безволоса
 И широкая грудь медоноса».

Отношенья со следствием напряжены.
 Он живет, под собою не чуж жены.
 Он вернулся таким же, каким уезжал,
 И не верит в продажность своих горожан.
 Он по городу ходит, задумчив и сух.
 Всюду новые лица, собянинский дух,
 Пробок столько же — в центр не прорвешься —
 И широкая грудь плитоложца.

Где теперь этот сброд тонкошеих вождил,
 Что к нему на поклон на карачках ходил,
 И бабло, и кино, и менты, и попса?!
 Ленинград! У него еще есть адреса!
 Ведь доверья лишил его маленький босс,
 А является прежний, знакомый до слез!
 Окруженье его мускулисто
 И широкая грудь дзюдоиста.

Но напрасно, вчерашнего босса хваля,
 Он защиты и нежности ждет из Кремля.
 Покровители скинут его, как балласт —
 Их самих тонкошеяя банда предаст.
 И чекист, и нефтяник, и единоросс —
 Все отправятся в Лондон, знакомый до слез,
 Чтoб укрыться от местных идилий
 На широкой груди Пикадилли.

В настоящее время сатира широко используется также в колумнистике. Основной текст колонки, как правило, не является сатирическим изображением действительности. Однако отдельные ключевые эпизоды, особенно примеры, вполне могут претендовать на полноценный сатирический образ. Приведем пример из произведения В. Панюшкина «Утечка мозгов»:

Я знаю, что всеобщая любовь к президенту Путину и всеобщее членство в партии «Единая Россия» унижительны, потому что человеку лучше быть независимым, но я не могу объяснить этого членам «Единой России», как не могу объяснить своей собаке, что, когда я возвращаюсь домой, не обязательно лизать мой ботинок. Собака же лижет ботинок по собственной воле, и, если я ругаю ее за это, она пугается и лижет еще старательнее. Я не могу объяснить собаке, что хотел бы видеть ее гордой. Она же собака, она же не волк (Газета.ru. 2004. 4 марта).

Мы видим, что в данном тексте сатирический образ создается на основе развернутой метафоры. Уподобление высокого низкому вызывает смех, потому что концептуально по сути. Отрицательная оценка выражена прямым образом, автор настроен критически по отношению к социальному пороку, абсолютно не приемлет его и беспощаден в своих суждениях.

САРКАЗМ

Сарказм — это тоже форма выражения отношения. Сарказм встает в один ряд с юмором и иронией, но имеет собственное содержание. В отличие от юмора, сарказмом является выражением отношения абсолютного неприятия, допустимое только по отношению к явлениям общественно значимым, социально опасным. В отличие от иронии, где доминирует интеллектуальное начало, здесь в большей степени развито начало эмоциональное. Перед нами прямое и непосредственное выражение чувства гнева. Это смех язвительный, беспощадный. Саркастический смех — смех резкий, едкий, уничтожающий.

Сарказм часто соседствует с сатирой. Так, в приведенном выше

примере из колонки В. Панюшкина можно отметить не только сатирическое начало, но и явно выраженные саркастические нотки.

Сарказм и сатира часто используются при создании положительного имиджа политического деятеля. С этой целью авторы изображают ту или иную социально значимую конфликтную ситуацию, в которой политический деятель непримиримо относится к социально опасным явлениям, проявляет принципиальность и демонстрирует умелую языковую игру. Так, в упомянутой выше книге о И. В. Сталине приводятся следующие две байки, где Сталин предстает перед читателем в образе человека, социально правильно ориентированного, принципиального и хорошо владеющего русской речью:

Да, знаменитый герой-полярник Иван Дмитриевич построил себе дачу. После окончания строительства он стал приглашать к себе видных людей, показывая свое «творение». Конечно, все были восхищены и в книге отзывов писали свои отзывы. Побывал на ней и А. А. Жданов, секретарь ЦК. И тоже оставил самый хороший отзыв. После таких гостей Папанин решил пригласить «самого». И вот Сталин на его даче. Ходит по участку, по комнатам. Часть помещения отделана мрамором. Иван Дмитриевич сообщает, что мрамор итальянский, а в ванной комнате — уже греческий... Когда окончился осмотр, Папанин подал книгу отзывов. Сталин ее полистал. Кое-что прочел. Потом, взяв ручку, написал: «Т. Власику. (Начальник охраны правительства.) Хороший детский сад. И. Сталин». Власик посмотрел на Папанина и пожал плечами. Мол, прости, я тут ни при чем.

Когда Сталин уехал, Папанин, прочитав отзыв, бросился звонить Жданову. Тот его успокоил и позвонил Власику, чтобы тот ничего не предпринимал, так как он уговорит Сталина не трогать героя. Вопреки надеждам Жданова Сталин воспринял такую просьбу совсем по-другому.

— У меня с вами мнения расходятся. Раз такое дело, я хочу вынести этот вопрос на Политбюро. Пусть оно решает, кто прав. Я считаю, это принципиальный вопрос.

И вскоре состоялось заседание Политбюро. Вот что приблизительно сказал Сталин:

— Я пригласил вас разобрать, как я считаю, очень принципиальный вопрос. Речь идет о Папанине. Никто не хочет умалять его геройских заслуг.

Страна по достоинству оценила его подвиг, наградив Звездой Героя. Он руководитель «Севморпути». Получил государственную дачу. Так этого ему показалось мало, и он решил отстроить себе дачу, где свободно может разместиться детский сад, которых у нас не хватает. Но и этого ему мало. Его не устроил советский мрамор. Давай ему греческий, итальянский... К сожалению, находятся члены Политбюро, которые готовы его поддержать. Товарищи члены Политбюро, что о нас подумает рабочий класс и трудовое крестьянство?

Конечно, нет, — было единогласным мнение Политбюро. Я тоже такого же мнения. Думаю, мы правильно поступили. Нельзя стричь десять шкур с одной лыдины... (с. 6)

Молотов рассказывал, что над Сталиным, когда он плавал по Черному морю на пароходе «Троцкий», подшучивали коллеги из Политбюро:

— Долго ты еще будешь на «Троцком» ездить?

Зато из Одессы Троцкий отплывал навеки за рубеж на пароходе «Ильич». Может, случайность...

А когда еще до этого он отправлялся с огромным количеством багажа на поезде в ссылку в Алма-Ату, он спросил у Сталина:

— Тише едешь, дальше будешь?

— Дальше едешь, тише будешь, — уточнил Сталин (с. 11).

Гротеск. Русское слово гротеск соотносится с итальянским словом *grottesco* (гротескный; чудной, странный; нелепый, фантастичный; комичный, смешной), а также с французским словом *grotesque* (смешной, причудливый). Понятие *grotesque* вошло в обиход в XV веке, когда при раскопках древнеримских пещер и кладбищ были обнаружены комнаты и коридоры дворцового комплекса Золотого дома Нерона. Тогда были найдены настенные росписи, в причудливых узорах которых использовались мотивы с изображением растений и животных. Так что сначала гротеском назывались искаженные изображения. Примерно с XVIII века во французском, немецком и английском языках прилагательное *grotesque* стали использовать для обозначения того, что, с одной стороны, выглядит странным, фантастическим, а с другой — уродливым, нелепым и притом неприятным и отвратительным.

Сейчас применительно к сфере комического слово *гротеск* используется для характеристики сатирического изображения действительности, когда изображению придаются острые, причудливые, фантастические формы. Гротескное изображение характеризуется чрезвычайно сложной семантикой, поскольку смешное может сочетаться с ужасным и безобразным, а безобразное — с возвышенным. Смешивается реальная действительность с виртуальным фантастическим миром, смещается или исчезает граница между настоящим, будущим и прошлым. Использование гротеска в произведениях с социальной тематикой создает впечатление зловещего предопределения с трагическим смыслом.

Как и при формировании любого образа, гротескный образ воплощает в себе художественное обобщение базисных явлений жизни. Двуплановость, условность, несоответствие норме всегда социально мотивированы.

Богатые изобразительно-выразительные возможности гротескного сатирического изображения действительности в русской словесности были продемонстрированы М. Е. Салтыковым-Щедриним. В качестве примера можно привести фрагменты его произведения «История одного города» (1870). Автор дает краткие характеристики градоначальникам города Глупова:

Баклан, Иван Матвеевич, бригадир. Был роста трех аршин и трех вершков и кичился тем, что происходит по прямой линии от Ивана Великого (известная в Москве колокольня). Переломлен пополам во время бури, свирепствовавшей в 1761 году.

Брудастый, Дементий Варламович. Назначен был впопыхах и имел в голове некоторое особое устройство, за что и прозван был Органчиком. Это не мешало ему, впрочем, привести в порядок недоимки, запущенные его предместником. Во время сего правления произошло пагубное безначалие, продолжавшееся семь дней, как о том будет повествуемо ниже.

Прыщ, Иван Пантелеич. Оказался с фаршированной головой, в чем и уличен местным предводителем дворянства.

Мы видим, что один градоначальник сочетает в себе черты человека и архитектурного сооружения (*происходит по прямой ли-*

нии от Ивана Великого (известная в Москве колокольня)); переломлен пополам во время бури), другой имеет в голове органчик, у третьего голова фаршированная. Эти фантастические черты мотивированы концепцией образа.

Гротеск достаточно легко можно встретить и в речевой практике современных СМИ, например в одном из фельетонов Д. Быкова, где критика направлена на политическую деятельность М. Прохорова.

Дядя Степа — миллиардер

Далеко, в селе Еруда,
 Весь в рутине мирных дел,
 Жил уехавший отсюда
 Дядя Степа — миллиардер.
 Эту кличку часто слыша
 От своих односельчан,
 Он хоть был по ходу Миша,
 Но на это не сердчал.
 Дядя Степа был успешен.
 Честный труд его питал.
 Был до кризиса окэшен
 Дяди Степин капитал.
 Все любили дядю Степу
 За красу его и статью,
 Целовали только в попу —
 Выше было не достать.
 Спорить было с ним накладно:
 Прибрала его рука
 «Полюс Золото» и «Квадро»,
 «Ренессанс» и РБК,
 И еще у Степы были
 «Оптоган» и е-мобили.
 А еще, дразня бесстыжих
 И завистливых людей,
 Никогда на горных лыжах
 Он не ездил без б... б...

Он гремел на всю Европу —
 Амстердам, Париж и Канн.
 Но внезапно вызвал Степу
 Самый главный великан.
 Он сказал: — Послушай, Степа!
 Воплоти мечтания в явь!
 Предлагаю не для стеба —
 «Дело правое» возглавь.
 Без скандалов, без протеста,
 Без особенных страстей —
 И займи второе место
 После партии властей!
 — Есть! — воскликнул дядя Степа,
 Не боясь великих дел,
 И поднялся из окопа,
 Где до этого сидел.
 И пошли за ним наглядно,
 Как знамена проносясь,
 «Полюс Золото» и «Квадро»,
 РБК и «Ренессанс»,
 Поднимая тучи пыли,
 Е-летели е-мобили,
 И, утратить опасаясь
 Свой законный миллион,
 Следом шел отряд красавиц —
 Весь Почетный Легион!

Все без шума и без пыли
 За достойное лаве
 В эту партию вступили
 С дядей Степой во главе.

И она легко и честно,
 Без особенных идей,
 Заняла второе место
 По количеству б... б...

М. Прохоров — российский политик, бизнесмен, миллиардер; основатель партии «Гражданская платформа», глава партии «Правое дело» (июнь-сентябрь 2011 года), участник президентских выборов 4 марта 2012 года. Мы видим, что изображение выборов 2012 года имеет явно фантастические очертания, однако общая направленность критики на тех, кто считается политической элитой, является целесообразной.

Подводя итог сказанному, мы можем сделать вывод о том, что если рассматривать комическое как категорию стилистики, то различные формы проявления комического объединяются в две группы. С одной стороны, комическое (юмор, ирония, сарказм) выступает как форма непосредственного выражения отношения автора к чему-либо посредством смеха. С другой стороны, существуют такие формы проявления комического (сатира и гротеск), где автор выражает свое отношение на основе создания полноценного художественно-публицистического образа.

САТИРИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ

Сатирические жанры не являются жанрами в том смысле, в каком жанрами являются, например, заметка или репортаж. Фельетон и памфлет не имеют своей типовой речевой структуры, какой обладают заметка или репортаж. Автор при написании фельетона может воспользоваться речевой структурой самых различных жанров. Так, фельетон может быть построен в виде частного и делового письма, дневника, донесения, доклада, резолюции, статьи и т.д.

Специфику сатирических жанров определяет наличие и взаимодействие комического и образного начал. С одной стороны,

сатирические жанры — это всегда художественная публицистика, имеющая в своей основе образную речь. Как правило, создается изображение, которое является полноценным художественным публицистическим образом. С другой стороны, автор выражает свое отношение с помощью комического, с помощью смеха.

В последнее время все чаще говорят о том, что жанр фельетона уходит из газеты и это свидетельствует чуть ли не о гибели сатирических жанров. Скорее всего, происходит реструктурирование речевой практики СМИ в связи с новыми коммуникативными возможностями, которые дают этой сфере современные наука и техника.

Прежде всего, важно обратить внимание на процесс активизации устной составляющей в сфере речевой практики СМИ. Устная речь постепенно все больше теснит речь письменную. Мы все больше смотрим и слушаем радио и телевидение и все меньше читаем газеты и журналы. Поскольку комическое гораздо легче, разнообразнее и интереснее выражается такими невербальными компонентами коммуникации, как интонация, жесты, мимика и т.п., то комическое естественным образом уходит из сферы печатной речи в сферу телевизионной речи. Чрезвычайная популярность М. Задорнова, М. Жванецкого тому свидетельство. Устная речь позволяет комическому началу проявляться ярче и полноценнее. Интонация, например, часто является единственным показателем того, что перед нами ирония.

Редкое появление фельетона или памфлета на страницах привычных нам массовых общественно-политических изданий объясняется и появлением изданий нового типа. Например, возникновение бульварной прессы способствовало тому, что памфлет практически полностью ушел из обычной массовой общественно-политической газеты. Этот жанр более органично смотрится именно в бульварном издании по нескольким причинам. Памфлет рассчитан на здравый смысл, на непосредственное выражение эмоций. Этот жанр предполагает резкость и заостренность оценок, тенденциозность. Он всегда имеет конкретную направ-

ленность против кого-либо. Естественно, что в бульварном издании, для которого характерна концепция разговорности, памфлет находит более подходящую для себя коммуникативную среду, чем в массовом общественно-политическом издании, придерживаемом, как правило, консервативного речевого поведения. Так, например, памфлет В. Стрельникова, направленный против Елены Боннэр, Владимира Буковского, Юрия Орлова, Сергея Ковалева, позиционирующих себя правозащитниками, назывался «Парад уродов» и был опубликован в «Экспресс газете». Материал с таким тенденциозным названием не соответствует речевой концепции обычного массового общественно-политического издания, и его появление там не представляется возможным.

Как содержание памфлета, так и его речевая специфика, прежде всего в плане речевого поведения, мало соответствуют речевой концепции массового общественно-политического издания. Бульварное же издание с его ориентацией на неофициальный характер речевых отношений легко и органично вмещает в себя жанр памфлета.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что присутствие комического начала в речевой практике СМИ в настоящее время наиболее заметно в электронных СМИ, поскольку устная речь выражает комическое начало наиболее полно и органично.

Место фельетонистов и памфлетистов заняли те, кого мы называем писателями-сатириками. Их рассказы в большинстве своем актуальны, социально значимы, посвящены наиболее важным проблемам, социальной, политической, экономической жизни страны. Разумеется, здесь можно найти и образцы языковой игры, которая носит чисто развлекательный характер. Но все же большинство сатирических рассказов имеет ярко выраженное социальное звучание.

Вот небольшая миниатюра М. Жванецкого, которая звучит в его исполнении:

В чем наша разница: вместо того, чтобы крикнуть: «Что же вы, суки, делаете?!», — мы думаем: «Что же они, суки, делают?»

Сатирическое изображение социальной пассивности и безответственности нашло здесь яркое воплощение. Эта тема развивается М. Жванецким и во многих других произведениях:

Вы еще не слышали наш ансамбль...

Вы еще не слышали наш ансамбль, послушайте. Во-первых, у нас великолепный певец. Очень хороший парень. Отзывчив, всегда одолжит. Не курит, не пьет. Слова от него не услышишь. Мухи не обидел. Травинки не сорвал. Ну, конечно, когда поет, то заставляет желать лучшего. Но выживает. Прекрасный парень. Мы его держим.

А вот пианист — большой общественник: взносы, культпоходы, все мероприятия на нем. Конечно, мы стараемся, чтоб он поменьше играл на рояле, но если он вырывается... Разве его выгонишь? Он сам кого хочешь выгонит.

К саксофонисту не подходи: он сейчас лечится от запоя. В трезвом виде он тоже способный парень, но, к сожалению, не в музыке... Он спортсмен-гиревик. Сейчас ему надо лечиться. Кто ж его выгонит?

А эта женщина у контрабаса — мать двоих детей. Конечно, она может держать ритм. Разве поднимется рука ее выставить? Двое малышей плачут, ищут отца. Пусть она поиграет. Что делать?

Этих трубачей мы подобрали на улице: пропадали ребята. Так здесь они хотя бы в тепле...

Ударник вам не понравится, я уверен. Он уже давно никому не нравится, но два месяца до пенсии. Пусть человек доиграет. Мы же не звери...

Теперь вы поняли, почему наш ансамбль так звучит?

Вот гротескное изображение чрезмерного пристрастия к употреблению варваризмов, желания щегольнуть заморским словечком:

Андрей Кнышев

В эфире ньюзости

О великий и могучий новый русский язык!

— Добрый ивнинг, уважаемые телевьюеры, уотчеры и лукеры.

Начинаем вечерний бродкастинг ньюзостей. В бегининге — шортовый брифинг основных тудэйных ивентов:

— Риэлтеры трастинговых офшорных компаний продолжают консалтинг мониторинга монетаристских ноу-хау по ваучерным фьючерсам. Как заявил генеральный адвайзер банкомата, их квалитет оставляет желать беттера, но скоро этот беттер придет всем.

— Партиципация российских хаки-плэйеров в чемпионшипе «Голден Шай-бен» увенчалась нашей викторией. Счет финального гейма — thr-и-один.

— Сегодня день индепендности эврибади. Пейджер президента выразил фрустрацию и регрет, что электоратчики Костромского прованса выступают за индепендизацию ареала.

— В Центральном хаузепейнтере, что на Крымском риверсайд-драйве, имь-ел мьесто быть оупенинг экспозишена-эксибишена народного фолк-артиста Руси Ильи Кабакова-Глазунова «Русский Фатерлянд, Лимитед». Органайзеры этого перформанса экспрессировали твердый опиньон, что мастерписам этого мастерписника, которого знает каждый эврибади, уготован долгий и полный лонг-лайф.

— Намедни исполняется 150-летний аниверсарий ремаркабельного русско-го райтера Льва Николаевича Фэта (Толстого). Его арт, лэнгвидж и пагодпауа smekalka в вербализации имэджей и сегодня совершает глубокую пенетрацию в душу контемпорального российского ридера. Известный филм-мейкер Станислав Спикерухин («Так жить импоссибл»), отказался продюсировать римейк триллера «Детство, Отрочество, Пепси — Новое Поколение-98».

— 1-е место в горячей десятке фильмов занял классический блок-бастер С. Эйзенштейна «Армадилло Потемки».

— В дни скульных каникул в Гоки-Паки имени Горького устроен органай-зинг катания тинейджеров на копытных компакт-животных.

— В память о чернухе 9 января 1905 года, вошедшей во все скулбуки как «блади уикенд», сейчас в нашей программе — минута молчания, а значит, рекламная пауза!..

— Русское издание журнала «Плэйбой» («Игривый Русский Парень») от-метило юбилей своей экзистенции на российском маркете.

Это респектабельный хай-сэсайетимэгэзин, сексесс которого у российско-го читателя растет с быстрым спидом. Конгратьюлейшнз! Играй плэйбой, на-яривай!

И наконец:

— В найт-клабе «СОХО» состоялся селебрейшн традиционного осеннего российского Халоуина. В перспективе в клабе — празднование Дня Святого

Валентина, Сент-Патрика, Кристмаса, Рамадана, хэпи-бесдеев, и других исконно русских народных хolidеев, тусовок и разборок, в которых засветятся НЕ ТОЛЬКО рейтинговые сингеры и перформеры, элитарные колумнисты и кутюрье с гламурными топ-моделями, заангажированные имидж-мейкеры и стебанутые ди-джеи, секьюрити со своими мануальными киллерами, киднэпперы со своими литл-бейби, НО ТАКЖЕ и простые русские пейзажи, квас-мейкеры, трак-драйверы, а также алкоголические хард-дринкеры да и просто мазэ-факеры, которые любят во дворе доминировать «козла».

На сегодня это все НЬЮЗОСТИ.

И в заключение хочу поздравить каждого эврибади: С НАСТУПАЮЩИМ НОВЫМ РУССКИМ!

**ПРИЛОЖЕНИЕ (для изучающих новый русский язык)
Глоссарий / Краткий словарь использованных
и дополнительных терминов**

Тудейный афтенун (todayafternoon, англ.) — сегодня пополудни.

Вьюеры, уотчеры, лукеры (от англ. view, watch, look) — зрители, смотрители, наблюдатели, соглядатаи.

Мастерпис (masterpiece) — шедевр.

Индепендность (independence) — независимость.

Партисипация (participation) — участие.

Анниверсарий (anniversary) — годовщина.

Пенетрация (penetrate) — проникновение.

Гоки-паки (Gorky Park) — Парк культуры им. Горького.

Армадилло Потемкин (armadillo) зоол. — броненосец.

Скулбук (schoolbook) — учебник.

Хэппи Бесдей (Happy Birthday, обычно «ту ю!») — день рождения.

Лэнгвидж (language) — язык (великий, чаще могучий).

Блади Уикенд (bloody) — выходной день, выбитый с большой кровью.

Мазэ-факер (mother-fucker) — чудака своего рода.

Дистурбация (disturb) — причинение неудобства.

Сигнификалии (significant) — что-либо очень важное, значительное.

Пробабильный (probable) — возможный, вероятный.

Перхаптический (perhaps) — допускаемый, не исключенный.

Кустомарный (customs) — 1. традиционный 2. таможенный.

Лаватория (lavatory) — уборная.

«Лаки Страйк» (LuckyStrike) — лыко в строку.
 Ноу-хау (nohow) — никак.
 Скаредный (scared) — испуганный.
 Скотланд-Ярд (Scotland Yard) — скотный двор.
 (продолжить самостоятельно)

Заканчивая разговор о комическом в СМИ, еще раз подчеркнем следующее. Если научиться грамотно писать может любой человек, то научиться с юмором относиться к каким-то житейским коллизиям, иронизировать невозможно. Юмор, ирония — это речевое проявление всего душевного склада человека, особенность мира его внутреннего существования, результат самовоспитания. Просто подражать чужой манере не стоит. Обязательно нужно научиться отличать иронию как разумную форму критического отношения к миру от иронии бесплодной и разрушительной, подлинный юмор — от простого зубоскальства. Нужно уметь ценить в любых формах сатиры чувство меры и проявлять понимание того, что есть грани этические, не позволяющие унижать человека и вносить в жизнь разрушительное деструктивное начало. Все формы проявления комического в своей сущности, по своей природе созидательны.

Вопросы и задания

1. На каком основании противопоставлены, с одной стороны, юмор, ирония, сарказм и, с другой стороны, сатира и гротеск.
2. *Относиться с юмором* — каково содержательное наполнение этой формы отношения? Что значит *относиться с юмором*?
3. *Он ко всему относится с иронией*. Каково содержательное наполнение этой формы отношения?
4. Почему некоторые формы проявления иронического начала А. Блок считал опасными и деструктивными?
5. Объясните, что значит выражение сатирическое изображение действительности, используя категории стилистики.
6. Какой смех называют саркастическим?
7. Где, как вы полагаете, граница между гротеском и грубым искажением действительности?

Рекомендуемая литература

- Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Блок А.* Ирония // Блок. А. О литературе. М., 1989.
- Борев Ю. Б.* Эстетика: В 2 т. Смоленск, 1997. Т. 1.
- Васильев А. Д.* Цели и средства игр в слова. Красноярск, 2012.
- Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1986.
- Коньков В. И., Неупокоева О. В.* Функциональные типы речи: Учеб. пос. для студ. учреждений высшего профессионального образования. М., 2011.
- Костомаров В. Г.* Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М., 2005.
- Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе: Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М., 1971.
- Лазарева Э. А.* Заголовок в газете: Учеб. пос. Екатеринбург, 2004.
- Правила русской орфографии и пунктуации.* Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2006.
- Розенталь Д. Э.* Практическая стилистика русского языка. М., 1974.
- Розенталь Д. Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. М., 2012.
- Русская грамматика.* Т. I. М., 1980.
- Русская речь в средствах массовой информации: Речевые системы и речевые структуры.* СПб., 2011.
- Русская речь в средствах массовой информации: Стилистический аспект.* СПб., 2007.
- Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики. Горький, 1975.
- Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пос. М., 2003.*

Использованная литература

Азаренко С. А. Юмор // Современный философский словарь / Под общей ред. д. ф. н., проф. В. Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск, 1998.

Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998.

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Блок А. Ирония // Блок. А. О литературе. М., 1989.

Борев Ю. Б. Комическое. М., 1970.

Васильев А. Д. Цели и средства игр в слова. Красноярск, 2012.

Виноградов В. В. Русский язык: (грамматическое учение о слове). М., 1947.

Коньков В. И., Неупокоева О. В. Функциональные типы речи: Учеб. пос. для студ. учреждений высшего профессионального образования. М.: Изд. центр «Академия», 2011.

Правила русской орфографии и пунктуации: Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2006.

Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М., 2012.

Русская грамматика. Т. I, II. М., 1980.

Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.

Словарь русского языка: В 4 т. М., 1984. Т. 4.

Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М., 1981.

Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. М., 1949. Т. 2.

Чехов А. П. Рассказ неизвестного человека // Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1962. Т. 7.

Учебное издание

Владимир Иванович Коньков

РЕЧЕВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Часть 1

Композиционно-речевые формы
Ориентация текста на массовую аудиторию
Средства выражения авторского «я»
Комическое в массовой коммуникации

Учебное пособие

Редактор *О. С. Капполь*

Макет и оформление обложки: *П. Ч. Хан*

Верстка: *Е. П. Смирнова*

Подписано в печать 10.09.2015. Формат 60x84/16.

Гарнитура CharterГТС. Печ. л. 8,25.

Тираж 70 экз. Заказ 64.

Отдел допечатной подготовки

Института «Высшая школы журналистики и массовых коммуникаций»

Санкт-Петербургского государственного университета

199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 26.